

Елена Фили

18+

Приди в мои сны
- кластер -

Елена Фили
Серия Кластер 2.
Приди в мои сны
Серия «Кластер», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48820788

SelfPub; 2020

Аннотация

Ничем не примечательная девушка неожиданно получает странный дар. Она может входить в сновидения, спасать людей или, наоборот, убивать их. В одном из снов девушка узнает опасную тайну, и за ней начинается погоня.

Пролог

Медленно, преодолевая сопротивление воды, он опускался вниз, куда-то в темноту. Последнее воспоминание угасало в его памяти. Он прыгает с каменистого берега в воду, поверхность которой, мгновение назад игравшая солнечными бликами, разбивается от его рук, превращаясь в бриллиантовые осколки. Удар! Почти невыносимая головная боль, и вот теперь он смотрит вверх, сквозь слой мутновато-зеленой воды, и видит золотисто-желтый шар солнца и лучи, протыкающие воду в нескольких местах. Красиво... Желтое на зеленом.

Алиса выпрямилась, беспомощно глядя в горящие отчаянием глаза родителей мальчика. В больничной палате элитной клиники, залитой неярким августовским солнцем, было тепло, пахло свежими цветами, медикаментами и... горем. Высокий, сгорбленный мужчина и миловидная женщина с заплаканным лицом смотрели на нее, Алису, и ждали. Ждали, что она подарит им надежду. Или сразу скажет, сделайте то и это, и ваш сын выйдет из комы и будет прежним: веселым, красивым, родным.

– Я не могу... Не могу помочь.

Алиса беспомощно оглянулась на Раду. Та стояла чуть позади. Спокойная, уверенная, что все наладится, не сейчас, так потом, не сразу, значит, через время. Это был ее девиз. Все наладится. Весь Кластер питался от Рады ее безмятеж-

ностью и непоколебимой уверенностью в будущем. Рада вопросительно кивнула, рассказывая.

– В общем, мозг не умер. Мальчик видит последнюю картинку, как я понимаю, после того, как он прыгнул в воду. Сколько времени прошло? Два месяца? Ну, вот, а он все там. На пляже. Видит желтое солнце сквозь зеленую воду. Ни о чем не думает. Просто смотрит. Я не смогу помочь. Я вижу только, о чем он думает. Если бы ваш сын пытался как-то выбраться из этого состояния и не мог, можно было бы понять, чего он хочет, и вот тогда...

Алиса еще раз взглянула на Радугу и перевела взгляд на родителей мальчика.

–Простите.

Динка спала. Ей снился детдом. Ее детдом, в котором она проживала с десяти лет. Что-то милое, ласковое, чьи-то теплые руки. Наверное, бабы Ньюры, нянечки... Совсем рядом неистово громыхнуло. Динка вздрогнула, подняла голову и с силой потянулась. Откуда шум? Она подняла голову и, прямо перед собой, за окном, увидела упруго бьющие по стеклу струи дождя. Всего лишь летняя гроза. Этим летом, самым жарким за последние несколько лет, грозы стали обычным делом. Хотя сегодня с утра непогоду ничего не предвещало. Прогноз чудесный. На небе ни облачка. И зонт, конечно же, остался дома. Динка с досадой прикрыла глаза. Что же ей снилось? Очень жалко, что не досмотрела.

Она опять положила голову на ноги, опирающиеся на стол. Усмехнулась. Эта ее привычка отдыхать в немислимой для простого человека позе, когда сидишь перед столом, ноги на столе, и ложишься сама себе на ноги, уютно устраиваясь и мгновенно засыпая, приводила в ступор тех, кто видел такое впервые. А она действительно так отдыхала. Еще с детдома. Однажды, увидев ее в таком виде, Митька, она с ним даже подралась тогда, думая, что слово ругательное, назвал ее гуттаперчевой. Слово всем детям было незнакомым, Митька потом объяснил, что это такая смола или резина. Мнется и гнется. Как Динка. И покраснел. Ее подразнили этим словом месяца два, пытаясь приспособить к имени, Динка-Гуттаперча, Динка-Гутта, да и отстали. Цыганка-это более раннее ее прозвище, звучало и проще, и подходило больше. У нее были черные, длинные, слегка волнистые волосы, которые она обычно заплетала в косы, и черные же глаза. И да, еще она была смуглая. Но на этом все цыганское кончалось. Динка не умела гадать, отводить глаза, даже воровала, как все, просто то, что плохо лежит. А нечего! Детдом— это общий дом, и все здесь —общее! И не была она цыганкой, мамка, когда еще не спилась до смерти, как-то обмолвилась, что родилась под Винницей. Так что они с матерью были украинками. Вот пресловутый украинский борщ давался Динке легко, она после детдома и пошла в кулинарное училище, потому что готовила быстро, вкусно, затейливо и с удовольствием. Ее и сюда, в фирму со смешным названием «Муж

на час», позвали работать поварихой, ну и, по совместительству, уборщицей. Да еще заказы по телефону она принимала, когда в офисе никого не было. Записывала звонки аккуратно в тетрадку и клала ее на стол Карго. Директора. Конечно, готовить и убирать за семерыми, приходящими с заказов потными и голодными, парнями было нелегко. Но ей все нравилось. Парни были своими, все, кроме двух—бывшие детдомовцы. Карго платил ей за три работы двадцать тысяч—отдавал в конвертике. Учитывая, что на еду тратиться не приходилось—она обедала и ужинала в офисе, у нее за три месяца, а именно столько она здесь уже трудилась после окончания училища, скопилась очень неплохая сумма. Она мечтала купить себе зимнее пальто с мехом из чернобурки и такую же шапку. И еще угги! Такие теплые мягкие зимние сапоги. Динка вздохнула. Угги—это хорошо. Это зимой. А сейчас конец лета, ливень не прекращается, а домой идти надо—скоро начнет темнеть. Аккуратно опустила ноги на пол, легко распрямила спину, нашарила на столе сумку с ключами, еще раз с грустью посмотрела на высветившееся от сверкнувшей молнии окно и вышла на крыльцо. До дома, вернее, до комнаты в коммуналке, ключи от которой ей выдали после детдома, отсюда было полчаса ходьбы. Имелась и короткая дорога, через парк. Но парк этот пользовался дурной славой, и Динка обходила его стороной, как и почти все горожане. То люди там пропадали, то в глубине отчаянные собачники находили избитых жителей, которые потом не могли вспом-

нить, как там оказались. В общем, гиблое место. Хоть и фонари работали исправно, достаточно освещая аллею и густые кусты вдоль нее. Вот и сейчас видно, как молнии, одна за другой, бьют прямо в центр парка, будто там что-то их притягивает. А под кронами деревьев клубится белесый туман из просеянных сквозь листву капель.. Страшновато. Зато парковой аллеей получится добежать домой минут за десять, а учитывая, как льет, да то, что она без зонта... Пронесет. Она— везучая. Наверное.

Динка постояла еще пару минут на крыльце, чувствуя, как противная сырость пробирается под рубашку, и рванула вперед. Первую остановку она сделала, добежав до старого корявого клена с роскошной густой листвой. Динка мчалась, ощущая себя пловчихой (таким плотным был дождь), она будто вертикально плыла по воде, смешно дрыгая ногами и прижимая к телу сумочку с ключами, а мокрые косы противно били по спине. Динка немного отдышалась под кроной клена. Здесь дождь был редким. Переждав очередной разряд грома, она вынырнула из-под спасительного дерева, успела сделать пару стремительных шагов, и вдруг все вокруг осветилось каким-то нереально ярким ослепительным светом, ее пронзил страшной силы электрический разряд, заставив больно сжаться трепыхнувшееся сердце. Больше уже ничего не ощущая, она неловко упала прямо на мокрую аллею, жалко поджав под себя ноги...

...Кто-то смотрел на нее в упор, дергал, не позволяя вер-

нуться в тяжелое беспамятство. Голова болела. И запахи... Незнакомые, вызывающие смутные воспоминания... Больничные?! Она в больнице? И еще звуки... Чей-то знакомый голос звал, звал, звал...

Динка сквозь ресницы посмотрела на склонившееся над ней лицо, улыбнулась, потому что узнала, и с облегчением вздохнула, снова проваливаясь в забытие.

Проснулась, как от толчка, вспоминая сон. И себя в нем. Детдом, каким она помнила его, серый, со старыми дешевыми обоями и зеленой краской на стенах в коридорах и общественных местах. В просторной светлой спальне для мальчиков стоят двое: тот, кого она узнала, Митька–Санитар, и гроза старшеклассников–Бахмет. Митька, весь красный, до кончиков ушей, с вызовом смотрит в лицо главара детдомовских хулиганов.

– Обещай мне, урод! Я все сделаю, если ты ее не тронешь!

Динка ощутила себя, стоящей будто рядом. Но почему-то, никто ее не видел.

Бахмет насмешливо оглядел Митьку. Высокий, болезненно худой, с длинными руками, тот с ненавистью смотрел ему в глаза.

– Обещаю. За это будешь моим рабом три месяца. До выпускного. Мы договорились?

И Бахмет протянул руку, чтобы скрепить обязательства. Динка хотела крикнуть, не смей, не надо, все знали, какой этот гад злобный, настоящий фашист, но внезапно поняла,

что речь идет о ней, о Динке. Что значит, не трогай? Ее, Динку? А Бахмет собирался трогать? Ей стало страшно. Прямо скрутило до жути. словно сквозь занавеску она увидела, как ребята пожали друг другу руки, и Бахмет, красиво насвистывая сквозь зубы мелодию песни о «стройной фигурке цвета шоколада», скрылся за дверью.

Динка приблизилась к Санитару. Его все так звали в детдоме, потому что он сутками пропадал в санблоке, помогал приходящей медсестре, даже научился ставить уколы. Девчонки, правда, отказывались—стеснялись, а парни наоборот, соглашались, потому что лучше Санитар, чем медсестра, которая не могла, да и не хотела стараться. А у него действительно была легкая рука! Он и учиться после детдома пошел в медучилище. Туда, куда взяли, с его уровнем подготовки. В санитары. А теперь работал в горбольнице.

Динка будто раздвоилась. Одна была во сне, рядом с Митькой, вторая лежала сейчас в палате и спала. Та, что во сне, приблизилась к Митьке и спросила:

–Зачем ты пообещал этому упырю стать рабом?

Митька обернулся, не удивившись, что Динка рядом, и ответил:

– Я разговор услышал. Бахмет и его дружки тебя хотели ... В общем, теперь все будет хорошо. А я потерплю. Подумаешь, три месяца! Главное, с тобой все будет в порядке.

Он шагнул ближе, и Динка ощутила его запахи. Пот,

смешанный со страхом. Это от разговора с Бахметом. И еще один запах. Запах счастья. Желания. Она покрутила головой:

– Ты же знаешь...

– Знаю. Я не надеюсь. Просто, будь счастлива. Друзья?

И он протянул руку, как недавно протягивал ее Бахмету.

Динка протянула в ответ свою и очнулась. Она лежала на кровати, прикрытая сухой колкой простыней, с вытянутой вверх рукой. Сделав усилие, повернула голову, скосив глаза. Рядом с кроватью стояла больничная тумбочка. Привалившись к спинке кровати, склонив голову на скрещенные руки, спал... Митька-Санитар. А... что это сейчас было? Как будто не во сне она пожала руку, а прямо вот только что ощутила потную ладонь своего, так называемого, защитника-друга. Она даже вытерла о простыню пальцы и огляделась сосредоточенно. Белые стены, белый потолок. Две одинаково застеленные кушетки, капельница рядом с ее кроватью. И вправду, больница?

– Митяя... Митя, проснись, – тихо позвала она, не решаясь повысить голос.

Но он очнулся сразу и подался к ней, встревоженно заглядывая в глаза.

– Живая!!! Я знал!! Я доктору говорил! Он пришел, послушал, говорит, пульса нет, сердце не слышно... Гад какой!

А ты вон, два часа и оклемалась!

– А что произошло, Митя?

– Молнией тебя убило! То есть не убило, а ударило. Па-

рочка в парке от дождя пряталась, а как молнии стали без конца хлестать, так они со страху домой рванули. А на аллее ты лежишь, и клен рядом, с раздвоенным стволом, края обуглены и дымятся еще. Они скорую и вызвали, спасибо им, не побоялись. Стояли под соседним деревом, медиков ждали, промокли совсем. Тебя наши привезли и в морг сразу определить хотели. Доктор дежурный. Мол, не вижу признаков жизни. Но я уговорил, чтобы тебя в палату положили, доктор сказал, часа на три, не больше, не очнешься, все, в морг. Гад...

Динке показалось, что он даже всхлипнул. И она успокаивающе положила руку ему на коленку.

– Ну, все кончилось хорошо. Забудь. Ты спал...

– Да, представляешь, мне Бахмет снился! Помнишь его?

Динка сильно, всем телом вздрогнула. Как... Бахмет? Тот же сон, что и ей? Так разве бывает?

– А что именно снилось, Митя?

Митька внезапно покраснел. Как во сне. До кончиков ушей.

– Да, ерунда, не стоит вспоминать.

– Вы говорили обо мне? Ты дал ему какое-то обещание? Во сне?

Почему-то было очень важно это выяснить.

Митя уже почти встал, чтобы бежать за врачом, потом резко сел и удивленно посмотрел на Динку.

– Откуда ты.. Ну, в общем, да. Так, старая история. Ерун-

да!

–Ты обещал стать его рабом на три месяца, чтобы меня не трогали?

Митя, открыв рот, смотрел на Динку и молчал, медленно, мучительно наливаясь темной краской так, что на носу выступили капельки пота. Динка даже пожалела его. Рабство у Бахмета, это... это было... страшно. Весь детдом знал. Она деликатно отвернулась.

–Знаешь, мне кажется, снился тоже этот сон. Но, это же просто сон, да?

–Да! –торопливо согласился Митька, он так хотел изменить тему, что даже не обратил внимания на то, что им обоим снилось одно и то же. А Динке уже стало не до этого. Она обнаружила, что лежит под простыней в огромной больничной пижаме. Мужской. С подвернутыми рукавами и штанинами. И совсем без белья.

–Ты, что? –зашипела она,– ты меня раздел? Полностью?

–Ты же мокрая вся была,– испуганно залепетал Митька, у него забегали глаза,– как бы ты тут лежала-то?

–Ты сам меня раздевал?

– Я не смотрел!

Митька вместе со стулом отодвигался от Динкиной кровати, стараясь ногами оттолкнуться как можно дальше.

– Никто не хотел! Все думали, что ты умерла!

Динке стало смешно. Подумаешь, какая нежная! Раздели ее, облекли в пижаму и накрыли белоснежной простынкой!

Ой, ой. Как стыдно! Она успокаивающе кивнула:

– Прощаю. Что дальше? Я есть хочу. Домой хочу. И мне завтра на работу. Сколько времени?

Распахнулась дверь и в палату стремительно зашел, почти забежал дежурный доктор. Услышав ее последние слова, доктор очумело потряс головой, одобрительно погладил Митькины вихры, и, взяв стул, уселся на него, скрестив волосатые ноги, выглядывающие из-под коротких больничных брюк.

– Ну, что, порядок? Другу своему спасибо скажи. Он тут поднял такой скандал. Всех на уши поставил. Оказался прав. Уважаю.

Доктор говорил, а сам, поворачивал в разные стороны голову Динки, проверял ее пульс, оттягивал веки, заглядывая в зрачки.

– Ну, со вторым рождением тебя, цыганка!

Динка дернулась. Какая еще цыганка? Опять?

– Нет? Не цыганка? А волосы у тебя... – доктор усмехнулся, оглядывая Динкину нерасчесанную, спутанную, все еще влажную, гриву, – ладно, хоть мусульманка, хоть цыганка, черноглазая. Тебе нужен больничный?

– Нет. Я домой хочу.

– Нет? – доктор вопросительно оглянулся на Митю. Тот пожал плечами.

– Значит, нет. Претензий тоже нет? Нет. Ну, и ступай себе потихоньку. Домой. Если передумаешь завтра, приходи.

Я записку оставляю утренней смене. Интересный случай. Все ребятки, пошел я. Живите...

Опять сильно, от толчка из коридора, распахнулась дверь в палату, ударив почти вышедшего доктора по предумышленно подставленному плечу. В проеме показалась взъерошенная, словно воробей после драки, Динкина подруга Лелька. Она непочтительно оттолкнула с дороги изумленного доктора, сделала три огромных шага, оказавшись сразу возле кровати, вздохнула с облегчением, увидев живую и невредимую Динку, и грозно уставилась на Митю, широко расставив ноги и уперев руки в бока.

–Ты-ы-ы-ы-ы! Ты сказал, ее убило!!

– А ты!

Леля повернулась к веселящейся Динке, не ожидавшей, что на нее тоже обрушится гнев подруги.

–Какого... тебя понесло через этот парк!

Леля, с размазанной тушью под глазами, пунцовая от бега, всхлипнула и рухнула прямо на кровать, вздрогнувшую от ее веса, прижимая к своей необъятной груди растроганно улыбающуюся Динку.

–Ну, ладно, все обошлось, чего ты...

Динка мягко погладила ежик непонятного цвета коротких волос, замирая от нежности. Ее подруга. Самая, самая. С того момента, как ее, Динку, привели и поставили перед классом, вот, мол, знакомься, твоя будущая жизнь, твои будущие товарищи. И посадили за парту к смешной толстухе

с головой, казавшейся маленькой из-за очень коротко подстриженных волос. Толстушка, покопавшись в ранце, достала весь обсыпанный сладкой крошкой пряник, разделила на две части и протянула половину Динке.

Последнее время подруги виделись редко. У Лельки теперь семья. Муж и ребенок. Она выскочила замуж мгновенно, едва их выпустили из детдома. Ей повезло. Дина часто бывала у нее дома, купаясь в простом семейном счастье, и мечтая, что у нее тоже все будет. Муж и дети. Не меньше двух. А лучше трех. И у каждого будут свои личные уголки и собственные игрушки. Это совсем другое детство. И она таким детством будет наслаждаться.

–Ты отвезешь меня домой?

–Да, собирайся, я с Лешей, он в коридоре ждет.

Динка нагнулась и прошептала прямо в жесткие волосы, куда-то туда, где должно быть ухо:

–Представляешь, Митька меня раздел. Совсем. И пижаму натянул. Сам.

И посмотрела в глаза подруги, понимает ли, как стыдно?

Они помолчали согласно и вдруг захохотали. Обе. Одновременно. Затем, вытолкав Митьку за дверь, собрались быстро и почти побежали к выходу из больницы.

Каждое утро в новой Динкиной жизни после детдома начиналось со счастья... Душ. Со вкусным, пушистым от пены, гелем. Личный завтрак, только себе одной и только то,

чего хочется. А за столом можно читать книжку, которую не дочитала вечером. Все можно! И таким простым тоже бывает счастье...

Динка споро перемешивала яйца в миске. На плите в большой сковороде жарилась аппетитная докторская колбаска. Пыхтел чайник. На кухню, почувствовав запахи, шаркая стоптанными подошвами домашних тапочек, в старом трико и чистой, неглаженной рубашке, пришел сосед, дед Паша. Сейчас, в квартире на трех хозяев, они с дедом Пашей жили вдвоем. Третья комната когда-то принадлежала его сестре. Она умерла несколько лет назад, совсем старенькая была, как сказал дед. После нее в комнате жили попеременно мужчина, женщина, опять мужчина, теперь же комната пустовала, ожидая нового хозяина.

Сосед прошаркал к своему столу и сел, сплетая руки, уместив их между коленями. Динка, положила в тарелку омлет, и, наливая чай, заглянула ему в глаза вопросительно.

– Ты что с утра молчаливый такой, дед? Болит что-нибудь?

– Сестра снилась. Всю ночь. Помоги, говорит, помоги. А кому помочь? Как? Ничего не сказала.

Чашка с горячим чаем, выскочила из Динкиных рук, стукнулась о деревянный пол, выплескивая на пол содержимое, и покатилась, не разбившись, к ногам деда ... Динка вспомнила. Ярко. Четко. Ей тоже снилась какая-то старушка. И она тоже бормотала: «Помоги ей, помоги...» Да что

происходит, в конце концов? Почему она видит чужие сны? Она присела на табуретку напротив соседа.

— Дед Паша... Я кажется видела такой же сон, как и ты. Такая худая, глаза впавшие, родинка на шее, крупная— это она? Твоя сестра? Да? Меня вчера молнией чуть не убило, прямо в макушку как даст! Я в больнице очнулась. И тоже видела сон, который там санитару снился. Что это, а дед Паш?

Ее соседа, хоть он и был совсем старым, Динка считала за свою семью. Ну, был же когда-то у нее дед? Вот, пусть дед Паша им и будет, ее собственным дедом. Динка все ему выкладывала, когда нужен был совет, а тот, не донимая нравоучениями, рассказывал в ответ какую-нибудь историю из своей жизни, вот так случилось, а вот так он или она, поступили. И разу понятно было, что делать. Правильно делать, как надо. Вот сейчас он ей тоже поможет, обязательно! Скажет, что это все ерунда, пройдет, или что ей показалось. Дед смотрел на нее, не мигая, что-то такое плескалось в его глазах, темное, невеселое. И Динке стало как-то неуютно.

— Что? Что ты молчишь?

— Понял, кому помочь надо. За кого сестра просила. Ты не бойся. Это дар такой. Божий. У сестры тоже был. Не такой, похожий. Только она скрывала от всех.

— Какой еще дар, дед Паша? Ну тебя, напугал до смерти. На работу мне пора, вечером про сестру расскажешь.

И Динка метнулась в свою комнату, начала лихорадочно

собираться, сумка, ключи, носки, где эти носки, ну, где? И вдруг села на стул и уставилась в окно. Дар, значит? Ну, посмотрим, что за дар такой. Посмотрим. И сразу увидела носки, она же с вечера положила их аккуратно, вот они! Мгновенно успокоившись, сбегала на кухню, чмокнула своего деда в лысую макушку и помчалась на работу. По дороге Дина все пыталась придумать что-то, что могло бы научно объяснить эти странные сны. Она вспомнила опять про «божий дар», и фыркнула смешливо. Как же, как же, насмотрелся дед Кашпировского в свое время, вот и несет чушь. Ей бы посоветоваться с кем-нибудь, кто помладше деда, но такой же умный. Не с Лелькой же... Дина ей, конечно, все расскажет, но потом, потом. С кем же? Беспокойство грызло изнутри, заставляя действовать. Может быть, Карго? Она торопливо шла по улице, не обращая внимания на привычную картину городского утра. Мимо проехал старый троллейбус, фыркающая, словно страдающая одышкой. После вчерашней грозы улица смотрелась умытой, радостной. Солнце, словно извиняясь за вчерашний пасмурный день, робко выглядывало из-за деревьев. А Динка ничего не замечала, она думала о начальнике.

Карго проработал у них в детдоме около пяти лет. Был он то ли завхозом, то ли кладовщиком по официальной версии. А на самом деле – мастер на все руки. Сплотил вокруг себя старшеклассников, соорудил небольшую слесарную мастерскую, научил ребят всяким работам по хозяйству: вместе они починили вечно капающие краны, отремонтировали

старенькую мебель, появились немудрящие табуретки, двери стали закрываться нормально, без ужасного скрипа по ночам, когда кто-то пробирался в туалет. И с Бахметом у нового завхоза установилось вначале тревожное перемирие, а затем, к удивлению наблюдающего за их отношениями детдома, не то, чтобы дружба, а какие-то деловые отношения. Уважительные с обеих сторон. Так и повелось. Девчонки все мыли, убирали, трудились на местном огороде. Парни ремонтировали, выпиливали скамейки и табуретки. И звали его вовсе не Карго, вспомнила Динка. Анатолий Александрович, вот как его звали. Просто носил он постоянно на работе одни и те же брюки, похожие на военные, со множеством дополнительных карманов. Фасон назывался карго. Так и прилепилось к нему это прозвище. Сначала за глаза так его называли, а потом в глаза. Он и не возражал. Даже малыши, Динка сама слышала, обращались к нему «Дядя Карго». Уволился Карго года за два до Динкиного выпускного. Открыл фирму «Муж на час», переделал под офис трехкомнатную квартиру на первом этаже жилого дома, оборудовав современную кухню и переделав комнаты в кабинеты, где и работали сейчас некоторые ребята из детдома. И она, Динка.

... Дверь в офис была открыта. Странно для обычного утра. Парни подтягивались обычно часам к девяти, а Карго вообще к обеду. Расписание на рабочий день составлялось с вечера, согласно заказам. И кто же тут прилетел ранней пташкой? Динка осторожно заглянула в комнаты. Никого. В

кухню. Никого. Она остановилась перед кабинетом начальника, осторожно толкнула дверь.

Карго, обернувшись на звук и удивленно уставился на нее.

–А я думал, ты не придешь сегодня. Утром звонил твой дружок, Митька –Санитар. Разбудил меня. Так волновался.

Карго хитро прищурился, скрывая под лохматыми бровями блеснувшие ехидством маленькие глазки.

– Бормотал, что ты еле живая, что-то про молнию и морг. Что за паника?

–Да вчера после работы ... И Динка невесело, скороговоркой, повторила вчерашнюю историю, утаив пока информацию про странные сны. Какое-то томительное чувство, то ли стыд, то ли опасность показаться смешной, то ли еще что-то, пока неясное, не давали ей покоя. Не решила она еще, будет или нет Карго тем человеком, с кем ей нужно будет посоветоваться.

– Ну вот, а потом меня Леля с Лешей домой отвезли, закончила она рассказ.

– А как ты, лапуля, чувствуешь-то себя? Хочешь, возьми отгул, а я тут сам управлюсь. Мне подготовиться надо, на завтра одно мероприятие назначено. Так что завтра ты тут одна крутиться будешь, без меня. А сейчас я клиента жду, хочу детали кое-какие уточнить. Лично. Иди домой, иди.

Динка задумчиво пожала плечами. Не хотела она домой. Что это Карго ее будто выпроваживает? И что это за клиент такой, что Карго сам пожаловал? Да еще с утра? Нет, нет, не

пойдет она домой.

– Да со мной нормально все, я останусь. Ребят обедом не вы же будете кормить? Они мне на кухне тут такое устроят, если сами начнут хозяйничать. Я пока в магазин сбегая, не буду вам мешать.

Выйдя из подъезда, Динка присела на лавочку, скрытую от офисных окон буйно разросшимся кустом сирени и приготовилась ждать. Любопытство пересиливало остальные чувства: удивление (отгул предложил, надо же!), досаду (Митька зачем звонил, дурак какой, теперь все узнают и будут над ней шутить, еще и прозвище придумают смешное, какой-нибудь молниеотвод, хотя бы), лень (можно было бы к Лельке закатиться, понянчиться с маленьким тепленьким комочком, Лелькиным первенцем). Динка зевнула, прихлопнув звенящего над ухом комара. Ну, скоро? И оглянулась на шорох автомобильных шин.

Во двор въезжал шикарный БМВ, белый, чистый, будто только что после мойки, со слегка тонированными задними стеклами. Динка перевела дух. Ух ты! Этого, что ли, клиента Карго ждет? Богатый, видно. Что ж ему понадобилось в такой крошечной мастерской? Ему ремонт наверняка делают за доллары, да мастера с высшим образованием, да еще используют импортные запчасти. Она вытянула шею из-за кустов, пытаясь разглядеть клиента Карго, степенно выходящего из припаркованной машины. Холеный. Так Динка определила его. Укладка на волосах, льняной костюм, обувь,

будто только из магазина, новая кожа поблескивает из-под брюк, а руки... Руки не знали, пожалуй, ни одного дня физического труда. Динка вздохнула. Незнакомый. Зря ждала. Подслушать все равно не удастся. Да и неинтересный он. Тюфяк какой-то. Слегка оплывший, даже походка напоминает перезрелый помидор, лениво катящийся по пыльной дороге. И Динка двинулась в магазин, по дороге перебирая в уме содержимое холодильника, что-то прикупить, что-то уже заканчивается, и непонятно, что делать с огурцами, которые вянут очень быстро. Да уж, покупные огурцы, это совсем не те, что они выращивали на детдомовском огороде. Так жители города отличаются от деревенских жителей. Городские красивые, а деревенские живучие.

День пролетел незаметно. Дед Паша, когда Динка вернулась с работы, уже спал. Динка склонилась над мусорным ведром и понимающе усмехнулась. Так и есть: среди мусора нашлась пустая бутылка из-под водки, стыдливо прикрытая использованным полиэтиленовым пакетиком.

Бывали у деда такие дни. Обычно, когда вспоминалась сестра, или что-то из прошедшей жизни, например, неожиданно находилась старая фотография, журнал со статьей про кого-нибудь знакомого, или вдруг раздавался звонок на квартирный телефон, а потом выяснялось, что ошиблись, не того Павла искали. Вот в такие дни дед уходил к себе в комнату, тихо один напивался, потом аккуратно все за собой убирал, мылся, одевался во все чистое и ложился

спать. Утром был хмурым, неразговорчивым, к вечеру же оживал и становился опять прежним. Родным. Динка вздохнула. Она рассчитывала про сестру его выспросить все сегодня. Дед рассказывал о ней скупое. Одинокая была. Старалась ни с кем не общаться без необходимости. И не любила выходить на улицу. Динка потеребила за кончик свою косу, и перекинула ее за спину. Негусто. Ну, ладно, значит, завтра. Интересно, что ей сегодня будет сниться? Или кто? Послушав еще немного у дверей деда раскатистый храп, Динка вздохнула и отправилась в душ. Раздевшись, повернулась спиной к овальному продолговатому зеркалу и в который раз с удовольствием оглядела свою татуировку на правом плече – кораблик с парусами. Татуировкой она отпраздновала свою первую зарплату и самостоятельную жизнь. Решила и сделала. А Лелька, трусиха, побоялась. Зато теперь завидует. Дина поцокала привычно языком, глядя на татушку. Хотела алые паруса, да мастер отговорил, сказал, будет слишком броско. Зато предложил дополнить рисунком, будто кораблик плывет в романтической голубой дымке. Так тоже ничего, прищурилась Динка. И черт с ними, алыми парусами. Вздохнула, умылась, переплела на ночь косу. Ну, все, теперь спать. В комнате, укутавшись в легкое летнее одеялко, она вспоминала сегодняшней день, мысли задержались на необычном госте Карго, плавно перетекли на деда, и она заснула.

Запахи... Очнулась она от запахов. Пахло мастикой для

натирания паркета. Дорогим парфюмом: сладковатым, непонятно мужским или женским. И... дымом?! Дина огляделась вокруг. Богато обставленная гостиная, картины на стенах, на полу мягкий светлый ковер. И камин. Вот откуда запах дыма! Дрова, похоже, немного сырые, были сложены аккуратно шалашиком. Над ними склонился и пытался зажечь, чертыхаясь, мужчина в домашнем шелковом фиолетовом халате. Вот первые язычки пламени радостно заплясали на дровах, мужчина с облегчением выпрямился. Сеточка на аккуратно уложенных волосах, рыхлое полное лицо, заостренные мочки ушей... Динка замерла. Это же тот... Холеный! Из БМВ! Он приезжал сегодня к Карго! А... как же? Где же? Он ее видит? Динка в панике осмотрела себя: в чем одета? И мысленно застонала. Пижама! Застиранный фланелевая курточка с когда-то ярко-голубыми трогательными зайчиками и такие же штаны. Холеный стоял к ней спиной. Он держал в руках несколько листов с печатным текстом и недовольно бубнил что-то себе под нос. Динка прислушалась. «Наверняка видел код. Нужно сменить. А то его ушлые ребятки тут все обворуют, глазом не успеешь моргнуть», – вот что бормотал хозяин квартиры. О ком это? Неужели о Карго? Да нет, не может быть! Ребята не воруют в квартирах, они там работают. Так он ее не видит? Динка легонько пошевелилась, диван скрипнул. Холеный вздрогнул, затравленно оглянулся и посмотрел на диван. Динка сжалась от ужаса. Но ничего не произошло. Хозяин пошарил взглядом

по дивану и портьерам, затем по ковру, и, наконец, задумчиво побрел куда-то вглубь, забыв о шуме. Динка постаралась в этот раз, чтобы диван не издал ни звука. Она осторожно встала и на цыпочках стала красться за Холеным.

Тот стоял в холле перед панелью сигнализации. Морщил лоб, вздыхал и приговаривал:

– Ну, какие четыре цифры теперь придумать? Надо же, чтобы код легким не был, но запоминался, а то забуду.

Динка улыбнулась насмешливо, сейчас она его напугает! И прошептала, надеясь, что ее шепот звучит зловеще:

– Тринадцать ноль один. Поставь!

Захохотала от удачно придуманной шутки и очнулась дома в своей комнате. Спать уже не хотелось. Возбуждение билось в груди, как птица в клетке. Значит, это правда? У нее теперь дар? Она сейчас была во сне Холеного? И даже разговаривала, хотя непонятно, слышал он или нет. Но ведь скрип дивана его напугал? Значит и цифры были озвучены. Тринадцать ноль один – это ее день рождения. Тринадцатое января. Жалко, что проснулась рано, непонятно, как отреагировал Холеный. Да испугался, конечно. А главное! Главное – он ее не видел! Вот это да! Она была, будто привидение, нет призрака! Нет... Как же называется, когда звук есть, а изображения нет? Потустороннее? Да как бы не называлось! Динка резко села на диване, рука машинально потянулась к стакану с водой, она всегда на ночь ставила его на тумбочку. Сделала

несколько глотков, потом налила немного на ладонь, смочила разгоряченное лицо. А так в любой сон попасть можно? Почему именно к Холеному? Так она перед сном про него вспомнила, вот почему! Так и про деда тоже вспоминала. Да какие сны у деда после бутылки водки, отмахнулась Динка от этих мыслей. Тогда... Тогда она сейчас подумает про Карго. Да! Точно! Динка прикрыла веки, засопела равномерно, представляя Карго: то на работе, то в детдоме. Только бы не в сон Митьки – Санитара опять, взмолилась она про себя.

Открыла глаза и вздрогнула страшно, всем телом. Напротив нее стоял Бахмет. От него ее отделяла тонкая стеклянная дверца старинного буфета. Бахмет вертел в руках два широких стакана с толстым дном – для виски. Рассмотрел со всех сторон, брезгливо поморщился, ковырнул пальцем невидимую соринку и захлопнул дверцу. А она так и осталась стоять неподвижно, замерев от ужаса, в старой смешной пижаме, чувствуя, как холодная струйка пота стекает по спине. Почти не изменился, словно во сне отметила Динка. Те же светлые волосы и бледно-голубые, холодные, как замерзшая зимой вода, глаза. Тот же двойной взгляд: вроде смотрит, чистые ли стаканы и одновременно куда-то далеко, туда, где нет места другим людям. Волосы по последней моде чуть подбриты над ушами. Одежда очень дорогая. И та же звериная грация. В походке, движениях, даже в том, как он поставил стаканы на стол и уселся в кресло возле маленького столика.

– Девки бунтуют, – словно продолжая начатый разговор, произнес он.

– Твой козёл на БМВ два часа с Тamarкой поразвлекался, я ее после этого к лечиле повез. Девки видели. На ней живого места не было.

– Козла на БМВ скоро ждет большой-большой сюрприз. Ну, нужно было мне, чтобы он пару часов где-нибудь под присмотром побыл. Так что там с Тamarкой?

С этими словами в комнату вошел Карго. Динка перевела дух. Все-таки она во сне Карго. В руках тот держал бутылку виски, покрытую белой изморозью, наверное, достал из морозилки.

– Не довез ее. Откинулась.

Карго разлил тягучую коричневую жидкость, они с Бахметом подняли стаканы на уровень глаз, помолчали и выпили. Не чокаясь.

– И куда ты ее?

Бахмет подождал, пока Карго сходит на кухню, принесет тарелку с сыром, и ответил:

– Как обычно. На старое зимовье, где болото.

– У тебя скоро целое кладбище шалав там раскинется, – мерзко хихикнул Карго. Бахмет вяло пожал плечами. А у Дины застучали зубы. Она пыталась сдерживать стук, помнила, что звук слышно во сне. На некоторое время ей это удалось.

– Это какая Тamarка? Та, что два года назад из детдома

ушла?

—Она, да.

—Скажи девкам, мол, Карго ее в Москву отвез, в клинику. Тамара, мол, там три недели пробудет, потом в санатории месяц. А дальше разберемся.

—У меня недокомплект теперь. Отдай мне цыганку. Видел я ее в середине лета. В сарафанчике, волосы в хвост собраны, и такая татуха на плече... Стильная. Отдай, а?

—Обойдешься. Ты на нее целишься еще с детдома, что я, не вижу? Она в офисе моем хозяйкой теперь, не отдам. Ищи девок в детдоме.

—Для себя готовишь, старый мухомор. А я бы ее косу на руку намота-а-ал.

—Надо было в детдоме наматывать. Сам отказался.

— Да, Митька—Санитар под руку попался, себя в рабы предложил, чтобы я отступился. Мне тогда такой человек нужен был. Очень. Дело одно провернуть.

Динка слушала и боялась, что упадет. Вот прямо сейчас. Вот здесь. Босые ноги заledenели на холодном полу, зубы выбивали дробь, мокрая от страха спина покрылась мурашками. Это про нее сейчас? Намотать на руку косу? Все! Сейчас упадет, больше нет сил. Как же выйти из сна? Надо было раньше думать, дура!

Ее спас звонок. Дина обычно ставила будильник на семь утра. Вот будильник и зазвонил. По расписанию. И выдернул ее из этого кошмара. Она лежала и боялась пошевелиться.

Медленно согреваясь под одеялом, вспоминала услышанный разговор и думала. Получается, этот гад, Бахмет, содержит притон с проститутками. И девушки там из детдома. Малолетки есть, наверное.

Тамару она помнила, та была на год младше ее, Динки. Тамарка эта, правда, с четырнадцати лет со взрослыми парнями путалась. Ну, и что? Никто не заслуживает такой смерти. Как там Бахмет сказал? Кладбище шалав? Нет, это Карго сказал. Увез тело на болото? Старое зимовье? О, господи...

Динка вскочила, накинула халат и по коридору добежала до двери деда Паши.

– Дед, дед Паша! Проснись, поговорить нужно! Очень нужно! Просыпайся! Беда!

Дождалась, пока за хлипкой дверью послышалось кряхтенье, зашлепали тапочки, и стала собирать завтрак, торопливо закалывая сбившиеся волосы на затылке.

Они одновременно сели за стол, в середине которого на огромной чугунной сковороде шквырчала яичница, но у Динки кусок не лез в горло, а дед с похмелья пил только жиденький чай. Торопясь, глотая горячий кофе, посматривая на часы, Динка выложила все про свои ночные приключения. И замолчала, глядя на деда.

– Что мне делать? Ты понимаешь, что эти подонки используют детдомовских девчонок, затягивают... я не знаю... запугивают...

– Да ты никак в полицию собралась, девка? Доказатель-

ства у тебя какие, глупая? Ой, дяденьки, я такой сон видела? Ты о себе подумай, Дина. Тебе бежать надо от этих бандитов, бежать! Прямо сегодня. И вообще не ходи на работу. У тебя же на лице все написано. Как увидишь этого своего... Карго? Так и перекосяшься.

Дед схватил вилку и в сердцах ткнул прямо в центр яичницы, кромсая ее на куски.

– Сегодня Карго на работу не выйдет. Вчера предупредил. У него «мероприятие». На работу я схожу, обязательно. Мои документы у него. Диплом, трудовая. И паспорт.

– А паспорт ему зачем?

– Не знаю... Он как-то копию делал, да так и не отдал. В общем, заберу документы, раскидаю заказы, мужиков обедом накормлю. Напишу ему записку, мол, заболела. И сбегу. А куда? Кому я нужна, кроме тебя, дед? Жить где?

– Вот что, девка. Ты давай, документы забери на работе и приходи. А я пока подумаю. Есть у меня мыслишка.

Когда раздался звонок телефона, Рада разбирала бумажный завал на столе.

– Да, алло!

– Помню, конечно. Конечно, пригодится. Заберу. Какого рода помощь? Где? Хорошо. Как выглядит? Когда? Пусть ждет. Человек подъедет.

Рада откинулась на спинку кресла и прикрыла на мгнове-

ние глаза. Если эта девочка, про которую только что просил старый знакомый дед, действительно ходит в свидения, то им повезло. И как вовремя! Мальчишка еще цепляется за жизнь, плавает там, в своем зелено-желтом сне. Может, получится его спасти?

Рада села, решительно подвинула ближе ноутбук. На экране светилась карта, помеченная небольшими голубыми флажками. Кого послать? Рада приблизила изображение местности, откуда только что звонили. А, вот флажок. Олег, лекарь, недалеко. В отпуске у мамы загорает. Его надо послать. Сто километров всего. Значит, места ему знакомые. Отпуск... Отгулял всего неделю... Олежек поймет. Дело общее. Потом отдохнет. В конце января все уже забудут про праздники, вернутся из заграницы, накатаются на лыжах. Как раз будет спокойное время. Тогда и догуляет свой отпуск лекарь. И она открыла в мобильном страницу «Контакты».

Дед Паша аккуратно положил трубку телефона на аппарат. Задумчиво побарабанил артритными пальцами по стене, на которой был этот телефон прикреплен и, полистав тоненькую записную книжицу с номерами, снова снял трубку.

Динка сидела за столом и усердно делала вид, что работает с книгой заказов. Что-то отмечала, что-то вычеркивала. А сама ждала с нетерпением, когда же все уйдут из офиса. Топчутся и топчутся, то чай попьют, то покурят. Уже и новости из интернета обсудили, и какую-то грудастую Галю из

соседнего подъезда, и заказчика из дома напротив, у которого руки из известного места растут. Динка демонстративно посмотрела на часы и громко покашляла. Ну, наконец-то! Парни потянулись тонким ручейком к выходу. В мгновение ока Динка метнулась к входной двери, заперла ее на два оборота ключа, прислонилась к стене и вздохнула. Пора! Перед кабинетом Карго остановилась, перевела дух, вошла и осторожно прикрыла за собой дверь. В комнате преобладал полумрак. Только возле окна плескалось яркое пятно – между рейками жалюзи, прикрытыми не до конца, просвечивало солнце. Поминутно прислушиваясь, Динка придвинулась к столу Карго, наклонилась и подергала дверцу. Заперто... Она сбегала на кухню, схватила большой нож, повернулась, и... Внезапно зазвонил телефон у Карго на столе. Динка замерла, затем с трудом выдохнула. Это же не ее телефон, не будет она отвечать! Но спустя пару минут уже завибрировал ее собственный, мобильный. Потными от волнения руками она поднесла трубку к уху:

– Да!

Какафония пронзительных звуков оглушила ее. Слышалась сирена, чьи-то крики, ругань. Потом шум отдалился, будто вышли в соседнюю комнату, и знакомый голос прокричал:

– Где Карго?!

– Я не знаю... Он же вчера предупредил, что не придет. А что случилось?

–Да мы тут работать пришли, вдруг сигнализация сработала, нам Карго давал код, на всякий случай, да не подходит он! Сейчас менты приедут, загребут нас, потом не отмоемся. Где же Карго?! Что нам делать?!

В его голосе слышалась паника– в детдоме ментов не любили. Динка вспомнила свой сон, Холеного во сне, и машинально произнесла:

–Попробуй тринадцать –ноль- один...

И похолодела, прижимая к уху телефон, со страхом ожидая результата. Несколько секунд– и все стихло, а голос, который был ей почему-то знаком, но она так и не смогла вспомнить, кто это, произнес удивленно:

–А ты что...тоже...

Затем холодно:

–Ладно, разберемся.

Динка стиснула руки, не замечая, что нож царапает кожу. Все, поняла она. Время вышло! Она снова метнулась в кабинет к столу, поддела ножом хлипкий замочек. Дверца неожиданно легко поддалась и распахнулась, ударившись о стенку. Три ящика были наполнены всяким хламом: журналы, справочники, мотки проволоки– все это было навалено в ужасном беспорядке. Паспорт нашелся в нижнем ящике, когда Динка уже отчаялась. Контролируя себя, чтобы не побежать, Динка медленно придвинула стул, придавив прикрытую дверцу к столу, чтобы не сразу бросилось в

глаза, что кто-то сломал замок, затем выпрямилась и вышла из кабинета. Схватила сумку, сунула туда найденный паспорт – к трудовой и диплому, она нашла их в папке с личными делами еще утром, потому и пришла на работу пораньше. Выпрямилась и обвела взглядом офис, где она начала свою взрослую самостоятельную жизнь. На глаза навернулись слезы. Как же так все получилось, что приходится все бросить и убежать? Она так гордилась собой. Окончила училище. Устроилась работать в фирму. И теперь из-за случайности нужно все начинать сначала, а главное – ей угрожает опасность! Она вздрогнула, повернулась, чтобы идти, и вдруг услышала, как в замке входной двери поворачивается ключ. В голове зазвенело от ужаса. В панике Динка бросила на свой стул сумку с документами, метнулась на кухню, схватила первую попавшуюся чашку с чьим-то недопитым чаем – не успела помыть посуду – и сделала два торопливых глотка. Гулкие шаги показались ей грохотом молота по голове. Карго остановился на пороге и быстрым цепким взглядом окинул помещение кухни. Сделал еще два шага и сел напротив Динки.

– А поведай-ка мне, лапуля, про код секретный. Витек мне все доложил. Давай, давай, рассказывай, – потормошил он за плечо замершую сусликом Динку. Она вздохнула обреченно, помедлила, да и выложила ему историю про сон с Холеным после удара молнией. Потом про Холеного. Как увидела его вчера. Как приснился он ей. Как посоветовала

ему код – свой день рождения.

– Я пошутила же. А когда Витек, весь в панике, звонил, сирена выла, матери слышно было, я на автомате и выдала. А оказалось – правильно. Сама не знаю, что это было.

Динка опустила голову, нарочно громко шмыгнула носом. Из-под прикрытых ресниц осторожно покосилась на Карго, поверил или нет?

– То есть ты была в его сне, разговаривала, а он тебя увидел и не испугался?

– Нет. Он меня не видел. Только слышал.

– А еще какие-то сны тебе снились? Мои, например?

Карго застывшим взглядом уперся в стену, куда-то выше Динкиной головы и замолчал. Вспомнил, что ему сегодня ночью снилось, догадалась Динка и улыбнулась заискивающе:

– Не помню я, Карго...

– И ты думаешь, что это после удара молнией?

– Да не знаю я! Один такой сон и получился! Что ты допрос устроил! Лучше бы помог разобраться, что это такое вообще.

– Мне надо подумать. Подумать надо мне, – Карго с подозрением уставился на нее.

– И посоветоваться. Ты посиди тут, а я позвоню... врачу знакомому.

И Карго стремительно вышел в коридор, хлопнув входной дверью. И снова в замке повернулся ключ. А Динка вер-

нулась в комнату, дернула к себе сумку, подкралась к двери и прислушалась.

– Все бросай и сюда. Непонятки с цыганкой. Разобраться нужно.

Шепот Карго еле пробивался сквозь дверную щель, но Динка почти все услышала и поняла главное – тот звонил не врачу. А, скорее всего, Бахмету.

Она затравленно оглянулась. Как же отсюда теперь выбираться? Взгляд упал на окна. Первый этаж, это хорошо, да, но на окнах – решетки! Надо пробовать. Другого пути нет.

Поминутно прислушиваясь, не открывается ли дверь, Динка, подскочила к окну в дальней комнате. Тот самый огромный куст сирени, под которым она вчера, пряталась, как раз прикрывал половину окна. Она дернула шпингалет, отвела створку как можно шире и вздохнула с облегчением. Есть! Все прутья решетки были приварены на одинаковом расстоянии, а вот у самой стеночки расстояние было шире. Ей хватит. Не зря ее прозвали гуттаперчевой! Понимая, что нельзя терять ни минуты, Динка сначала протолкнула сумку между прутьями, раскачала и отпустила. Та повисла на толстой короткой ветке кустарника. Затем Динка сняла с себя толстовку и кроссовки, которые полетели вслед за сумкой и приземлились там же. Оставшись в футболке и джинсах, Динка, затаив дыхание, просунула в первую очередь голову, затем плечи и одну руку. Ухватившись этой рукой за карниз, начала вытаскивать тело, изогнувшись под немисли-

мым углом. Рука передвигалась все дальше по карнизу, кожа на ладони сразу ободралась и закровоточила— карниз оказался весь в заусенцах, да еще и плохо покрашен. Высунувшись уже по пояс, Динка отдышалась и оглянулась—не видит ли кто, но лохматые ветки разросшейся сирени надежно прикрывали ее от взглядов соседей или случайных прохожих. Так, теперь джинсы. Она придавила к телу плотную ткань, и принялась продвигать ноги. Сначала вытянула одну, затем, передохнув, вторую, и, наконец, все—она свободна! Правда Динка не удержала равновесия на нешироком карнизе, начала валиться вбок, но успела выпрямиться и приземлилась—то правильно, да только плюхнулась в лужу, непросохшую после позавчерашнего ливня. Но это ничего! Мокрые носки Динка сняла, скатала и сунула в карманчик сумки, а кроссовки надела прямо на босу ногу. Бухнула тяжело подъездная дверь, Динка, испугавшись, что это Карго обнаружил ее побег, схватила вещи, добежала до угла дома, осторожно выглянула—никого знакомого, и припустила к остановке автобуса. Там— людное место, там не тронут, побоятся.

Старенький, выдавший виды уазик-«санитарка» довольно бодро трусил по асфальту, подпрыгивая на выбоинах и кочках. Вместе с ним подпрыгивала Динка. Она сгорбилась на твердой скамейке, упираясь руками, чтобы не упасть, но все равно, на особенно крутых поворотах или значительных ямах приходилось изо всех сил держаться. Ехала Динка в по-

село Кириллово. Там, по словам деда (она ему сразу позволила, сбежав от Карго), ее ждал человек, который поможет и отвезет куда надо. «Беги быстрее в больницу, к Митьке-Санитару, – вспоминала она, – тот ждет, я ему вещи твои передал и денег немного. Он тебе расскажет, куда дальше. И из города вывезет. Не звони Леле, ее будут проверять в первую очередь. А так – не знает, не видела. Я потом сам ей все расскажу. В Кириллово есть столовка и база перевалочная для дальнобойщиков, они на ночевку, бывает, останавливаются. Там и встретишь человека, который тебе поможет. Из примет: парень около тридцати, рыжий. Про тебя он знает, что коса черная до пояса. В общем, не потеряетесь. Ждать будет в столовке с семи вечера до одиннадцати. Не успеешь – схоронись. На следующий день придешь опять в это время. Когда окажешься в безопасности, дай знать, я ждать буду».

– Приехали!

Уазик притулился к обочине, Динка торопливо соскочила с подножки, с силой захлопнула дверь и осмотрелась.

Пасмурно, но облака высоко, это хорошо, дождь сейчас ни к чему. Грязь, в которую превратилась пыль после ливня, лежала по обеим сторонам дороги. Ухоженные цветущие палисадники раскинулись перед аккуратными кирпичными домиками вдоль улицы, по которой шустро удалялся уазик. Немного в стороне стоял высокий рекламный щит, на нем краснощекая тетка в цветастом сарафане приглашающе указывала куда-то в сторону. Динка проследила направ-

ление и обнаружила ту самую «столовку», о которой предупреждал дед. Сложенную из светлого бруса, с добротной крышей, с настежь распахнутыми окнами, из которых плыли привычные для кухни запахи: жареного лука и компота. Часики на руке показывали половину восьмого. Что ж, пора. Она прошла туда, куда указывала тетка в сарафане, и решительно толкнула дверь. Сдернула с головы косынку, распрямила косу, перебросила ее на грудь, остановилась, оглядела небольшой зал. В глубине, возле окна, расположилась живописная группа из трех шоферов. Они громко о чем-то спорили, стол перед ними был уставлен тарелками. Небольшой запотевший графинчик и граненые стаканы намекали окружающим: лучше не подходить.

—Дина...

Услышала она заговорщицкий шепот.

—Иди сюда.

Дина оглянулась. Слева, в пяти шагах от двери, за столиком, покрытом новой, еще лоснящейся от краски клеенкой, она увидела того, кто ее звал. Курносое лицо, щедро посыпанное золотистыми веснушками, торчавшие во все стороны рыжие вихры, которые парень сейчас тщетно пытался пригладить. Рыжий... Неужели, добралась и это—тот самый, про которого дед сказал, что поможет и отвезет в безопасное место? Все еще не веря удаче, Дина мелкими шажками, осторожно подошла и присела на краешек стула, напряженная, словно кошка, готовая вскочить и умчаться при ма-

лейшей опасности.

– Я – Олег, меня Рада прислала за тобой.

–Какая еще Рада? Дед сказал...– перебила Дина

– Дед твой позвонил Раде. Рада прислала меня,–терпеливо пояснил Олег.

Смирившись, Дина прислонила свою сумку и рюкзак, собранный дедом, к ножке стола, села плотнее и с надеждой взглянула парню в такие же рыжие, как и волосы, глаза.

– А... куда мы теперь? Где эта Рада?

– План примерно такой. Завтра мы поедем на станцию и сядем в поезд.

–В Кириллово нет станции.

– Правильно. А в Прохоровке, что в двадцати километрах отсюда, станция есть. Правда, на ней не останавливаются скорые поезда, она маленькая и на ночь закрывается. Поэтому мы ночуем здесь, а завтра в два часа сядем там на местный поезд, потом пересядем на другой, доберемся до станции, на которой останавливаются уже московские поезда, потом сутки, и мы в столице.

– А что значит,– ночевать здесь? Где здесь?

– Здесь же база для дальнобойщиков. Большая асфальтированная площадка, огороженная забором. На ней, я посмотрел, есть три вагона-купе. Представляешь? Списанные, конечно, по старости. Но внутри все аккуратно и чисто. Туалет, естественно, на улице. Кстати, ты голодная? Можно

здесь поесть, а можно с собой взять, в купе. Только за посуду залог оставим, так не дадут.

Дина уже давно чувствовала чей-то назойливый взгляд, будто горячий прут упирался между лопаток. Она даже плечами передернула, будто пыталась от него избавиться.

— Возьмем еду в купе. А есть я буду... что здесь дают... — она быстро просмотрела меню, состоящее из одного тетрадного листка, на котором блюда были записаны шариковой ручкой, — макароны, отварное мясо и овощи, только овощи пусть дадут целиком, а я сама нарежу. Еще пирожков возьми, только не с мясом, а с капустой. И кипятку в термос налей. Для чая.

И, невозмутимо глядя рыжему в глаза, протянула руку, будто смахивая что-то с его лица. Когда рука возвращалась на свое место, то захватила заполненную на две трети солонку, которая мгновенно исчезла из ее руки, едва достигнув края стола. Олег на мгновение замер, потом сделал вид, что ничего не заметил, встал и пошел договариваться насчет ужина.

Вагончик, в который их поселили, Динка обежала за пять минут, все ей было интересно, все необычно — она же никогда не ездила в поезде! И на самолете не летала. Купе у нее и Олега было четвертое. Они сгрузили продукты, чашки и кружки, выданные им под залог денег в столовой, на столик, затолкали под сиденья вещи Дины, рюкзак Олега и усе-

лись ужинать. Динка быстро накрошила в миску салат, посолила из солонки, которую она «позаимствовала», разложила по тарелкам макаронны и мясо. Оглядела стол и кивнула Олегу, мол, можно, ешь. Все это время Олег исподтишка разглядывал свою подопечную. Короткие пружинки волос, разлохматившиеся надо лбом. Косу, толстой змеей двигающуюся между лопаток. Тонкие кисти рук, аккуратно держащие выдавший виды перочинный нож— его Динкин дед положил в сумку вместе с деньгами, одеждой и термосом.

За ужином они молчали. Динка вдруг застеснялась близости незнакомого парня, а Олег не знал, о чем ей было бы интересно поговорить, не о работе же?

— Расскажи мне про Раду, а еще, откуда дед про нее знает? — наконец прервала Дина неловкое молчание.

— Ну... Тогда про Кластер сначала.

— Давай про Кластер, — согласно кивнула Дина, устраиваясь с ногами на сиденье.

— Рассказчик, правда из меня аховый, — Олег взъерошил рыжие кудри, — но я попробую.

— В общем, Кластер — это такая организация, или общество, как в фильме «Люди X», только в кино все круче, огнем поджигают, льдом замораживают, ну, ты видела. У нас все проще. Вот у тебя дар — ты сноходец. Я — лекарь. Я вижу болячки телесные как рентген, и в руках у меня есть такое: если правильно приложить руки к ране, то ускоряется регенерация. Психология — тоже мое. Хирургия — нет. Могу только

после операций долечивать. Лекарей у нас трое, я –самый опытный. Ну, в общем, ничего особенного, небольшие отклонения от общепринятого. Рада–она у нас главная. У нее нет «отклонений», просто Рада, не знаю, давно ли, собирает таких, как я и ты. У кого дар есть. Мы работаем за деньги, процент отдаем в Кластер. Обязаны работать на полицию, чиновников, и все, что государственное. Это бесплатно. За это нас никто не трогает. Мы обязаны также выполнять правила Кластера. Например, своих не трогать, помогать тому, кто просит или нуждается в помощи, и еще пара правил имеется. Со службами Рада ведет переговоры лично, за это мы получаем защиту в Кластере. Вот и тебя взяла, дед попросил, мол, в беде ты. Понимаешь?

–А у кого еще какой дар есть?–у Динки загорелись глаза.

– Я про всех не знаю. Но вот про деда твоего расскажу. У него сестра была, старше его лет на десять, ты знаешь?

–Он мне как раз хотел все рассказать, но не успел.

– Так вот. Рада про нее знала, звала к себе. Но, так оказалась, мол, в Москву не поеду, здесь тихо доживу, а когда время придет перед Творцом предстать, мне нужно будет дар передать, а то мучиться буду страшно. Тогда брат меня в Москву отвезет к тебе, и ты мне поможешь. На кого укажешь, тому дар и передам.

Воздух за окном посерел, приближались сумерки. В соседних купе послышался бубнеж– новые жильцы обустроивали ночлег. Динка нетерпеливо поерзала.

—Но дед сестру не довез—умерла та в дороге. И дар ее—умение читать и видеть мысли— попал к совершенно постороннему человеку. Случайно в момент смерти она оказалась рядом, и по каким-то причинам бабке подошла. Ее зовут Алиса. Она теперь в Кластере. И знаешь, это-легенда. За последнее громкое дело ей дали Орден Мужества, представляешь? Она помогала ментам маньяка поймать, тот детей мучил и убивал. Его несколько лет искали. А Алиса поехала и за несколько дней нашла. И могилки детишек родителям показала. Правда потом долго мучилась от воспоминаний. Я ей помогал. Еще одна легенда у нас—гипнотизер. Вернее, гипнотизеров у нас несколько, но этот... Никто устоять не может. Он просто говорит, а все сразу подчиняются. Ни подготовки, ни настройки, раз—и готово! Нюхачи есть... Как собаки, даже сильнее. Запахи чувствуют. Еще, я сам не видел, но говорят, есть парочка, кто призраков видит. И даже разговаривает. Полезно очень. От богатых отбоя нет. От ментов тоже. Кто убил... Да ты спишь совсем!

Динка дернулась. И правда, чуть не заснула! Тяжелый выдался денек. Она зевнула:

—Ты ложись, я посуду помою и тоже устраиваться на ночь буду.

Сон прошел. День, который начинался с беды и побега, заканчивался настолько замечательно, что спать не хотелось, а хотелось наслаждаться теплым вечером и думать о будущем. Дина вспоминала рассказ Олега о Москве, Раде,

дедовой сестре Глафире и Кластере. Перебирала последние события. Олег, отвернувшись к стене, тихо посапывал. Дина села к столу, налила из термоса чуть теплый чай, покопавшись в свертке на столе, достала хлеба (из столовой, домашней выпечки) и приготовилась перекусить.

Неожиданно на занавесках заплясали огненные блики. Она отодвинула в сторону ткань и почувствовала, как заledenели руки. База горела. Вернее, не база, а ворота. Забор из профнастила, огораживающий ровным прямоугольником три вагона и площадку, заканчивался широкими деревянными воротами. Вот они сейчас и горели. Поодаль, поперек полыхавших ворот, стояла фура, загораживая выезд. Кабина фуры, под прямым углом повернутая к полуприцепу, освещала фарами площадку с вагонами. Высокий, черный на фоне зарева, человек со звериной грацией встал перед кабиной так, чтобы его было видно всем, и махнул рукой с блеснувшим в ней оружием.

– Просыпайся, Олег, – Динка с силой потормошила приятеля, – пожар! И бандиты.

Она помолчала, глядя сухими глазами в окно – в ее черных зрачках плясали злые огоньки, затем тихо добавила:

– Это за мной.

Олег, будто и не спал вовсе, подскочил к окну и выглянул наружу. Оценил быстрым взглядом обстановку и спросил:

– Точно за тобой?

Увидев обреченный кивок, задумался, окинул взглядом купе, высунулся из дверей—никого там не обнаружил, и повернулся к Дине. Она смотрела на него с отчаянной надеждой.

— Будем уходить. Только ты меня слушайся, все вопросы потом задашь. Первое. Мне, возможно, придется драться. Нужно, чтобы руки оставались свободными. Ты возьмешь мой рюкзак и свою сумку. Положи туда всю еду и воду. Еще возьми два одеяла. Уходить будем в другую сторону от дороги. Если разминемся, встречаемся за столовой, возле мусорных баков. Там темно, нас не заметят. Дальше через поле, в лес.

Олег помог Дине упаковать вещи и алюминиевые кружки с чашками (спасибо столовой, пригодятся). В принципе все уместилось в походный рюкзак и объемную сумку. Прикинув вес, Дина удовлетворенно кивнула: не тяжело, она справится. Олег еще кинул сверху свою ветровку, оставшись в водолазке и джинсах. Осторожно ступая, они вышли в тамбур вагона. Олег открыл дверь, выходящую в сторону забора.

— Сможешь через забор перелезть?

— Не сомневайся,— Дина скупно усмехнулась,— сумки только помощи перекинуть.

Прикинув расстояние, Олег размахнулся и кинул первой сумку. Она легко перелетела через забор, приземлилась и покатилась, громко загремев алюминиевой посудой.

В дверной проем тамбура со стороны площадки, привлеченный шумом, заскочил бритый парень в серых, вытянутых на коленях, тренировочных штанах и такой же бесформенной толстовке. Увидев Дину, радостно осклабился:

– Вот ты где, красатуля! Ну-ка, прыгай сюда, цыганка наша!

Дину затрясло от отвращения. У парня не хватало двух верхних зубов. В полумраке тамбура он был, как зомби из фильма ужасов: грязный, лысый, заросший щетиной, с кривой беззубой улыбкой. Она приготовилась драться, кусаться, царапаться, и даже завизжать от страха, но тут между нею и «зомби» выросла спина в черной водолазке и сильная мужская рука подтолкнула ее к выходу, туда, где подступал близко к дверям тамбура забор.

– А не боишься, что цыганка тебе смерть нагадает, придурок? – прошептал вкрадчиво Олег и кинулся в атаку.

Благоразумие вопило об опасности и умоляло бежать, но Динка открыв рот, плотно прижав к груди рюкзак, заворованно смотрела на поединок. Бандит сделал обманное движение, отклонился и взмахнул ножом. Олег отступил немного, затем, поднырнув под руку парня, произвел захват, вывернув тому руку. Рыжие волосы взметнулись в отсвете пожара ярким ореолом. Бандит взвыл от боли, нож выпал. Бой кончился, не успев начаться. Парень хрипел и дергался, вращая белками глаз, а Олег прижимал к его шее указательный и средний пальцы правой руки, надавливая все сильнее.

«Зомби», словно в параличе, грузно осел на пол и затих.

Когда бандит полностью потерял сознание и разлегся на полу, Олег быстро обыскал его, нашел пистолет, заглянул в обойму, хмыкнул, отточенным движением сунул оружие за ремень джинсов, а нож протянул Дине:

–Твое оружие, на всякий случай. Все. До встречи. Не жди меня, беги.

И выскочил из тамбура вагона. Послышались крики, ругань. Прозвучало два выстрела, потух яркий свет фар, остался только слабый отсвет догорающих ворот.

Динка подтянула лямки рюкзака, прикинула расстояние до верхней части забора, и, вспомнив недавнее детдомовское прошлое, уверенно полезла вверх.

...Треск горящих сучьев разносился по ночному лесу. Возле огня было тепло, уютно. Отпускал страх. Пока Олег собирал сухие палки в костер, ломал еловые ветви для ночлега, Динка достала из рюкзака кружки. После бега по полю, а потом по ночному лесу, очень хотелось горячего чая. В двух алюминиевых кружках вода быстро забурлила, немного ее выплеснулось на зашипевшие угли. Динка помяла, потербила листики смородины, которые нарвала у ручья, там, где они с Олегом смывали пот и копоть от ночного приключения, и закинула их в кипяток. Ароматный запах разнесся вокруг. Олег, подкинув в огонь новую порцию дров, присел на толстый ствол поваленного дерева и протянул руку к

кружке.

–Осторожно, горячая!

–А пирожки остались?

– Остались пирожки. Вот, держи!

Перекусив, они в тишине сидели у догорающего костра и молчали. Оба ждали, кто заговорит первый. И оба не хотели вспоминать пережитое. Слишком хорошо им было сейчас. Ночь, костер, тишина и безопасность. Динка, кутаясь в одеяло, поворошила угли, сунула в огонь сосновый прут с наколотой краюшкой хлеба на конце, и, наконец, произнесла:

– Если бы не ты... Меня бы, наверное, убили.

– Серьезные ребята. И патроны у них серьезные, и оружие тоже. Ты что натворила-то? И кто это?

– Главный бандит- Бахмет. По детдому его помню. Ничего я не натворила. Случайно узнала, что он похищает девушек из нашего детдома и заставляет ... ну... обслуживать в постели... А если они умирают... Бахмет... хоронит их в болоте...возле старой охотничьей избы. Я это место во сне видела. Представляешь? Хотела в полицию пойти, меня дед отговорил, сказал, что доказательств нет.

Вздыхнув, Динка опять поворошила угли в костре, подтянула к себе прут с хлебом, отщипнула горячую, хрустящую корочку, отправила в рот, довольно вздохнув, наклонилась, поправила выпавшее из костра полено и не торопясь, с подробностями, рассказала о своих приключениях. Как молния ее ударила. Как первый сон ей приснился. Как захоте-

лось испугать Холеного. И про сон Карго. И про код сигнализации. И про свой побег.

– Дед с Митей помогли мне из города выбраться, я думала, что все, отстанут бандиты. А оказалось, у Бахмета этого везде друзья. Увидели нас и доложили. Не знаю даже, сможем ли мы теперь уехать.

– Прорвемся. Отступить—не значит струсить, —ровным тоном отозвался Олег и похлопал по стволу рядом с собой.—Иди сюда.

Динка стряхнула с поверхности дерева желтые иголки и послушно переместилась, покорно прижавшись к парню боком.

– А ты пальцами на шею бандиту давил, тот упал— что это было? Прием такой? Научи, а?

–Просто усыпил. Потом точку тебе покажу, потренируешься— сможешь.

– Мне вот что непонятно, про сны твои, —Олег склонил голову набок, блики огня заплясали веселыми искорками в рыжих глазах, —как ты определяешь, что в снах правда, а что ... не знаю... фантазии спящего?

–Карго испугался сильно. Очень сильно. В тот момент, когда спросил, видела ли я другие сны. Он понял, что я все знаю. Я поняла, что он знает, что я знаю. Как-то так все сложилось. Непонятно рассказываю, да?

– Я понимаю. А если человек незнакомый? Как ты узнаешь? Может, он фильм ужасов перед этим смотрел или кни-

гу Стивена Кинга читал?

– Никак не определю. Наверное. Я вообще-то всего три сна и видела. И все со знакомыми, которых я знаю очень хорошо.

– Тебе нужно тренироваться. Управлять сновидениями. Проникать в сны определенного человека. Выходить по желанию. Не давать другим, у кого такой же дар, вмешиваться в твои сны. И главное! Главное – научиться получать нужную информацию во сне.

Олег пошевелился и немного отодвинулся. В боку сразу стало неуютно, холодно, и Динка почувствовала раздражение:

–И как, по-твоему, мне тренироваться? Давай, я войду в твой сон и получу информацию? Например, кто твоя девушка, и как давно ты с ней...

– Нет у меня девушки, – перебил Олег. – Моя семья – это моя работа. Работа меня любит – так девушка меня любить не будет. Работа мне радуется – так радуются маленькие дети, когда папа приносит игрушку. И работа – это моя жизнь. Другой я не хочу.

– Не заводись, я пошутила. – Динка постаралась незаметно снова придвинуться к Олегу плотнее. – Как мне учиться? А ты? Ты учился?

– Я? – Олег усмехнулся. – Весь мой род по мужской линии с таким даром. Меня обучали дед и отец, что называется, с

пеленок. Дед фельдшером в деревне числился. Каждое лето школьники уезжали в лагерь, к морю с родителями, а я на каникулах у деда в помощниках подрабатывал. После школы – Академия медицинская. В армии (армия обязательна для всех из рода!) на границе с Таджикистаном служил, в медсанбате. Потом к Раде попал в Кластер. А здесь недалеко мама живет, одна, я навещал ее. Отца нет уже пять лет. Погиб. Спас ребенку жизнь. А сам не спасся. Я тебе расскажу когда-нибудь.

Олег угрюмо помолчал.

– Меня мама тоже любила, – Дина с досадой проглотила некстати подступившие слезы, – только она... ладно, я тоже расскажу тебе обо всем. Когда-нибудь.

– Подскажи лучше, как мне научиться управлять моими снами?

– Я могу только предположить, Дина. Но ты действительно можешь на мне поэкспериментировать. Давай, не стесняйся. Представляешь, к кому в сон войти, к нему и входишь. Представь меня. Разрешаю. И попробуй что-нибудь попросить или приказать. Не знаю... Стихи почитать, песню спеть... И чтобы я тебя видел. Из твоего рассказа я понял, что если ты не хочешь, чтобы тебя видели, как у Холеного и у Карго, тебя не видят. А во сне у Санитара – там вы общались. Так что дерзай. Как раз спать хочу. Надеюсь на тебя, пусть мой сон будет приятным.

С этими словами Олег завернулся в одеяло и улегся на

еловый лапник. Через пять минут он уже ровно дышал. Динка повозилась, устраиваясь на жестких ветках удобнее. Подумала, что ни за что не заснет. Едва она закрывала глаза, как вспоминалось пережитое за день и, особенно, последняя картина: сплошная стена огня и на ее фоне Бахмет: в длинном пальто, с ружьем. Страшный, уродливый. Жуткий оскал бандита выдергивал и выдергивал из сна только что начинавшую дремать Дину. Проснувшись в очередной раз, она жадно припала к кружке с остывшим питьем, затем сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы успокоиться и приказала себе: «В сон к Олегу. Сейчас!» И все получилось! Она очутилась посередине залитой солнцем большой лесной поляны, сплошь усыпанной васильками и иван-чаем. Довольно сильный ветер пригибал к земле высокую траву и цветы. Высокие ели ветками подметали небо. Сухой звук шелестящих березовых листьев словно нашептывал торжествующе: «С-сон... с-сон... с-сон...» В нескольких шагах Олег, в потертых джинсах, футболке и цветастой бандане, разговаривал по телефону.

Еще какое-то время Дина оглядывалась, и пыталась понять, видит ли ее Олег, и что делать дальше. Осмотрела свою одежду. Все ли в порядке? Те же джинсы и рубашка, что и в реальности. Только джинсы чем-то заляпаны, а от рубашки припахивает потом. «Да, подумала она, – неромантично». Попробовать переодеть себя в цветастый яркий летний сарафан? Дина во сне зажмурила глаза и представила себя наряд-

ной, с венком из васильков на голове. Открыла глаза, предвкушая перемены. Увы. Та же рубашка, те же джинсы. Ладно, попробуем управлять присутствующими. Олег как раз закончил разговор, положил в карман мобильник и уставился на Дину.

–Привет!

Слова вырвались неожиданно для нее самой. Она растерянно улыбнулась. А Олег... Олег удивленно посмотрел, как в замедленном кино поднял из травы корзину, полную белых грибов, и... исчез. Дина осталась одна. Ненадолго. Растерянно потеревила в ладонях цветок иван-чая, понюхала зачем-то и... проснулась. Поворочалась, подумала и снова упрямо приказала себе: «В сон, к Олегу». И опять они вдвоем на поляне, только сейчас Олег стоял совсем близко и смотрел ей прямо в лицо.

–Поцелуй меня...–тихо попросила Динка, краснея.

А Олег... Он вдруг решительно шагнул и, обхватил ее лицо ладонями, приблизив свои губы к Динкиным. За миг до поцелуя он вопросительно заглянул в ее застывшие от страха и восторга (первый поцелуй!) глаза. Что-то увидев там такое, что убедило его в правильном решении, он дал себе волю и ... Динка оцепенела, ощущая вкус его губ, а на коже мужское дыхание. Вкусно. Прошло мгновение, и она почувствовала, что целует его в ответ, а сердце колотится, как сумасшедшее.

Бешенный стук сердца и разбудил ее в этот раз. Заме-

рев, она прислушалась к дыханию своего спутника. Вот это, что называется, потренировалась! Не то, чтобы она злилась на себя, или на Олега, ничего такого. Просто, как теперь общаться после всего, что было во сне? Как-то не так она представляла себе первый поцелуй. Он же должен был ее добиваться? А она сама попросила. Вот это да! Молодец! Динка несогласно тряхнула головой. Но ведь, было же здорово! Жалко, что во сне.

Олег заворочался и будничным тоном произнес:

–Больше не нужно сегодня тренироваться. Ладно? У нас завтра трудный день.

Динка покраснела, хорошо, что темно, и он не видит, а про себя страшно заругалась, ведь просил же, стихи почитать или спеть, а она ...

–А целуешься хорошо...–послышалось с той стороны костра, – жалко, что во сне.

Начинающийся день застал их голосующими на дороге, которая вела в Прохоровку. Утром, едва разлепив глаза после ночных «опытов», Дина обнаружила Олега сидящим возле разгорающегося костра, спящим, спрятавшим голову в капюшон ветровки. Они наскоро позавтракали хлебом и чаем. Едва Олег тщательно затушил угли, как налетел ветер, заставил их поторопиться со сборами, а, едва они пустились в путь, заморосил мелкий противный дождик. К счастью,

покопавшись в сумке, собранной дедом, Дина обнаружила дождевик, не Бог весть что, выцветший, бывший когда-то синего цвета, с зашитыми по шву в двух местах дырками, но функции свои выполнял – от дождя спасал. Сейчас, стоя на обочине, она не опасалась, что ее узнают и доложат Бахмету: бесформенная в огромном дождевике фигура и скрученная под капюшоном коса надежно спасали от «узнавания». Олег тоже подстраховался – спрятал рыжие вихры под бейсболку, опустив козырек на затылок. Дождь моросил, не переставая, уже часа три, превращая день в хмурую, тревожную слякоть.

Машин было немного. Дина и Олег брели вдоль грязного асфальта, останавливаясь, если слышали шум подъезжающего автомобиля. Пока им не везло. Или погода настраивала водителей на отказ подвезти (потом еще грязь в машине от попутчиков убирать!), или просто они не хотели брать странную парочку, шедшую на довольно пустынном отрезке пути, вдоль темного, тянущегося сплошной стеной, леса. По сосновым макушкам гулял довольно сильный ветер, усиливая мрачную картину.

– Никто не остановится! – у Дины промокли ноги в дешевеньких матерчатых кроссовках: капли, стекая по плотной ткани дождевика, стряхивались при ходьбе на ноги, – мы мокрые, грязные и подозрительные!

– Пессимистка! – Олег мотнул головой в сторону газели, тормозящей недалеко впереди.

С гулким стуком отодвинулась в сторону дверь, и на

Дину с Олегом уставилося несколько пар любопытных глаз, точнее, десять. Десять пар глаз. Пять взрослых парней, одетых в одинаковые спортивные костюмы, с трудно-различимой эмблемой на груди, четверо подростков, тоже в одинаковой, но другой расцветки одежде. Все они были чем-то похожи... Фигурами, подумала Дина. Они похожи фигурами. Бугрящиеся мышцы в плечах, совсем короткие, ежиком, стрижки. Может, спортсмены? И дядька с ними, на тренера похож. Несмотря на возраст, подтянутый, с такой же короткой стрижкой и тоже в спортивном.

—Куда вам? — поинтересовался «тренер».

— В Прохоровку, на станцию,— обрадованно затараторила Динка,— вы подвезите нас до любой остановки в Прохоровке! Мы заплатим!

— Садитесь, молодежь!— дядька протянул руку Дине, помогая взобраться на узкую ступеньку,— денег не надо.

— Ой, а вы спортсмены, да? — Дина уселась рядом с тренером, с любопытством оглядела салон, заметила одинаковые сумки и утвердилась в своей догадке— спортсмены, конечно. Она с облегчением сняла капюшон—прятать косу среди посторонних не имело смысла. Коса, будто благодарная за свободу, с мягким вздохом распрямилась на груди.

Олег сел спиной к водителю, лицом к парням, внимательно всмотрелся в лица, расслабился, даже скупой улыбнулся, и только потом стянул с себя мокрую ветровку.

– Ребята спортсмены, да. Едем на соревнование. Я – тренер. Меня зовут Дмитрий Николаевич.

– А мы...

– А мы в Москву. Я врач, вот везу пациентку на обследование по договоренности с тамошней клиникой. Сложная беременность... На перекладных добираемся. То те подвежут, то эти... Вот вам спасибо, остановились. А то дождь, холодно, – перебил Дину Олег, невозмутимо глядя в ее полыхнувшие изумлением и возмущением глаза.

Дина захлопнула рот и, демонстративно отвернувшись от «врача», продолжила выспрашивать Дмитрия Николаевича о предстоящих его бойцам соревнованиях.

Таким образом они проехали полчаса: Дина слушала про борьбу муай-тай, ребята ехали как раз на соревнования по этой борьбе, кивала, соглашаясь или нет, вставляла пару предложений в неспешную речь тренера, а Олег молча смотрел в окно.

Дождь прекратился, но тучи, рыхлые, набухшие, никуда не делись, они продолжали низко висеть над дорогой, не давая солнечным лучам прорваться и, хоть немного, осветить хмурую серость дня.

Уже показались первые здания Прохоровки, скорее всего промзона – серые ангары или гаражи за потемневшим от дождя деревянным покосившимся забором. Дорога делала крутой вираж, словно опоясывала показавшуюся впереди низину. Лес отступил от обочины и виднелся уже совсем

вдалеке.

– «Тещин язык», – охарактеризовал длинный поворот молчавший до сих пор водитель, и вдруг громко выкрикнул:

– Держитесь!!

Дина резко крутанулась, пытаясь рассмотреть за окном газели, что так напугало водителя. А смотреть нужно было вперед. Там, впереди, перед газелью внезапно затормозила ехавшая впереди, старенькая, болотного цвета «Нива» – она попала передними колесами в небольшую, но очень глубокую, яму, наполненную грязной водой и оттого незаметную. Водитель газели, немного отвлекшись на «тещин язык», не успел быстро среагировать, от растерянности резко нажал на тормоза и сильно вывернул руль, надеясь избежать столкновения. Если бы не только что закончившийся дождь, ему бы это удалось. Но, на мокрой дороге, тяжелую газель опасно занесло, водитель люто заматерился, машина наклонилась, покатила заклинившими колесами по грязи, перевернулась и, как в замедленном кино, упала тем боком, где находилась дверь, в кювет. Динку, даже еще не начавшую пугаться, обхватили сильные руки Олега, прижали к себе – укутанная, как в теплое мягкое одеяло, в эти руки, так она и повалилась: куда-то вбок и вниз, пару раз стукнувшись головой о спинки сидений. Коса, заметавшаяся в тесном пространстве, где слышались выкрики пассажиров, сыпались сумки, вещи, одежда, внезапно зацепилась за что-то. Голова Динки сильно дернулась, и она на мгновение потеряла сознание от

боли.

Очнулась уже от громкого голоса, раздававшего команды:

– Сергей, Вася, выбивайте остатки окон на машине, вылезайте, готовьтесь принимать раненных, в первую очередь девушку—она без сознания и аккуратнее— беременная. Всем! Осмотреться по соседям! Есть еще кто без сознания? У кого травмы тяжелые? Витек! Витя!!

– Нормально, Николаич. Ноги чуток зажало...

– Я и... – Тренер, оглядев внутренности помятого салона машины, лежавшей на боку, указал на парнишку возле себя, морщившегося, но по виду, целого,— и Саня, мы помогаем водителю.

– Ты!— Дмитрий Николаевич перевел взгляд на Олега,— с парнями эвакуируешь из машины свою пациентку.

Минут через двадцать все пассажиры и водитель злополучной газели стояли, сидели, лежали на обочине, рассматривали перевернувшуюся газель и тихо переговаривались. Динка закручивала косу-предательницу и искала среди вещей, грудой набросанных прямо на грязный асфальт, платок, или хоть какую-нибудь ровную тряпицу,—завязать волосы в узел.

Олег вместе с тренером колдовали у ног водителя, сооружали временную шину из найденной у дороги ветки дерева. Тренер выравнивал ствол перочинным ножом, Олег, копался в водительской аптечке, выискивая нужные меди-

каменты. Водитель пострадал сильнее всех. Его ноги, как-то неестественно лежавшие на расстеленном наспех одеяле, уже успевшем намокнуть, были сломаны. Подопечные тренера отделались легкими и средними травмами: тела спортсменов-борцов, натренированные группироваться и мгновенно реагировать на удары, и в опасной ситуации среагировали правильно. Водитель успел погасить скорость до минимальной, кювет оказался неглубоким, обошлось без жертв, и на том спасибо! Газель лежала на боку, помятая, без окон. Проезжавшая мимо фура, остановилась, из кабины спросили, нужна ли помощь, получив отрицательный ответ, пообещали сообщить в Прохоровку об аварии, и медленно миновали опасный участок. Следом, минут через двадцать, подъехала серенькая «шестерка», тоже притормозившая возле места аварии. Оттуда с любопытством высунулась морда бандитского вида: небритая, серая, с набрякшими веками. Равнодушно, но цепко оглядев картину происшествия, морда что-то сказала, повернувшись в салон, и машина продолжила путь. Поравнявшись с Диной, которая продолжала скручивать косу, «шестерка» взвизгнула тормозами, привлекая внимание всех присутствующих. Знакомый лысый «придурак», тот, которого усыпил Олег в вагоне базы дальнобойщиков, выскочил из двери водителя, кинулся к девушке, но, опомнившись, остановился, выскивая взглядом своего вчерашнего противника. Динка, бросив заниматься волосами, в два прыжка оказалась возле Олега. Тот, не отрывая глаз

от вылезавшей из машины тройки бандитов и «придурка», медленно вставал, стряхивая с рук шприц, ампулы и бинты.

Заметив неладное, тренер подал неуловимый знак своей команде, и вокруг Дины с Олегом сгрудилось четверо наименее пострадавших парней из команды. Бандиты, оценив превосходство в силе неприятеля, переглянулись и вынули «стволы». Дмитрий Николаевич легко поднялся на ноги и, приблизившись, обратился к вооруженным «браткам»:

– В чем дело, парни?

– Цыганку нам отдайте, и все красиво разойдемся, – раздался красивый бас от одного из «братков», больше подошедший бы какому-нибудь певцу, а никак не опухшему лицу в трехдневной щетине.

Тренер спортсменов удивленно оглядел свое воинство, бросил взгляд в сторону Дины, прижавшейся к Олегу, озадаченно мигнул, подумал и очень тихо произнес:

– Думаю, мы можем применить запрещенные приемы.

Противники стояли друг против друга, никто не решался первым начать бой. Бандиты были уверены, что желторотые безоружные пацаны и старый тюфяк им не ровня. Видимо, Олег тоже сомневался в исходе драки, потому что вытащил из-за пояса трофейный пистолет и, нарочито медленно, нацелился на «братков». Вернее, нацелился в «братковские» ноги. Это и стало командой для спортсменов. Они, видимо заранее выбрав каждый себе противника, кинулись в бой. Замельтешили ноги-руки, сливаясь в сплошное разноцвет-

ное пятно, у Динки на мгновение даже голова закружилась.

Не ожидавшие нападения бандиты не успели среагировать, и через минуту все было кончено. Один, тот, что имел чудный певческий бас, пытался доползти до машины, преследуемый готовым к прыжку Михой—самым старшим из ребят, молчаливым красавцем-азиатом. Второй, вчерашний «придурок» -лысый, с выбитыми зубами (он достался тренеру и Сане)—распластанный, медленно по капоту сползал на асфальт. Третий не двигался, прижимаясь спиной к мокрому слякотному асфальту. Четвертый держал левую руку, как собака хрому лапу, и затравленно смотрел на нагнувшегося над ним парня со сжатыми кулаками.

Дина стояла на прежнем месте, растерянная, с изумлением глядя на противников: проигравшие никак не предполагали такого поворота событий, победившие не ожидали, что им это удастся сделать так быстро и легко: ведь у бандитов было оружие.... Олег невозмутимо подбирал «стволы» и аккуратно складывал в траву на обочине.

Со стороны «тещиного языка» послышался звук «сирены» скорой помощи. Впереди скорой ехал полицейский уазик, с включенным маячком. Олег выпрямился и повернулся к Дине:

– Быстрее! Дай мне свой телефон! На моем зарядка еще вчера кончилась.

Выхватив, почти выдернув из ее рук дешевенький «Самсунг», Олег, по памяти набрал номер Рады и быстро произ-

нес:

– Рада, у нас проблемы. С полицией. Енейский район, на подъезде к Прохоровке, с северного шоссе. Драка с огнестрелом. Запиши номер полицейской машины.

Проговорив цифры, он отдал мобильник Дине, взял в руку «свой» пистолет и огляделся, прикидывая, куда его девать. Двое полицейских и сотрудник ГИБДД уже подходили к месту недавнего боя. Сержант, невысокий плотный мужчина средних лет, цепким взглядом обшаривал окружающих и местность, увидев лежащие на дороге «стволы», он весь подобрался, кивнул старшему группы, младшему лейтенанту, приблизился и присел, рассматривая оружие и не торопясь брать его в руки. Олег завел руку с пистолетом за спину и растерянно взглянул на Дину.

– Мамочки-и-и...– взывала Динка, закрывая ладошкой рот, будто ее тошнило (так ведь беременная же!). Она хлопнула ресницами, испуганно посмотрела на всех, сделала несколько быстрых шагов к Олегу, будто неудачно оступилась, обхватила его, чтобы не упасть, и пистолет благополучно, перекочевал в карман ее необъятного дождевика. Притворяясь, что ее вот-вот, ну, прямо вот-вот, вырвет, Дина медленно побежала к перелеску, кривыми зигзагами минуя обочину и кювет. Там, воровато оглянувшись, держась за ствол чахлой березки, она наклонилась как можно ниже, убедилась, что на нее никто не смотрит, и прикопала под торчащим корневищем злополучный «Макаров», брезгливо дер-

жа его за дуло. Постояла возле деревьев, глядя на небо. Снова задул утихший было ветер. Толстые рыхлые тучи грузно сдвигались, расчищая поверхность, давая место солнечным лучам. Защебетали, обрадованные сменой погоды птицы, их гомон подействовал на Дину успокаивающе. Она с удовольствием подышала чистым сыром воздухом и, не спеша, вернулась к месту аварии.

Врачи из Скорой как раз грузили на носилки водителя газели. Сержант, аккуратно пронумеровав и подписав оружие, упаковывал его в пакетики. Младший лейтенант пытался писать протокол, но только пытался, потому что разведенные по разным сторонам участники драки не давали ему сосредоточиться, орали друг на друга, угрожали, и демонстрировали «старшему» раны.

– Тиха-а! Еще раз, кто первым выстрелил?

– Да мы вообще не стреляли! Мы из машины вышли, думали, помощь нужна, авария же!

– А оружие у вас отобрали?

– Не наше это! А стрелял вон тот фраер рыжий, вы у него поищите!

– Что скажете, Дмитрий Николаевич?– лейтенант с уважением обратился к тренеру спортсменов: поверженные голыми руками, хоть и вооруженные, «братки» произвели на него впечатление.

– Машина сначала мимо проехала, потом остановилась, бандюки вышли, у каждого в руке по «пушке» было. Не

знаю, что им было нужно, может, спутали с кем, но рожи были серьезные. Я разрешил своим парням болевые приемы, результат вы видите.

В кармане лейтенанта мобильник бодро заиграл: «Наша служба и опасна и трудна». Олег улыбнулся ободряюще Динке, обнял ее за плечи и подтянул поближе. Динкин дождевик под его руками согласно захрустел.

– Да, товарищ майор! Слушаю, товарищ майор! Так точно, все понял.

Лейтенант очумело помотал головой, сложил планшет, подозвал сержанта и того гаишника, который все это время с рулеткой в руках обмерял место происшествия, записывая цифры в блокнот:

– Этих, – он мотнул головой с русым чубом, выбивающимся из фуражки, на братву, – грузи. Затем обратился к тренеру, стоящему в окружении команды:

– Дмитрий Николаевич, вы с нами, надо бы заявление написать. Нападение, все такое. Ребята ваши сами доберутся, ладно? Теперь вы, – лейтенант хмуро оглядел колоритную пару: рыжего доктора (все-таки был у него пистолет или нет?) в тонкой водолазке и грязных джинсах и «беременную» Дину в бесформенном дождевике с косой, замотанной в узел и обвязанной неопределенного цвета тряпицей, – приказано доставить вас лично к товарищу майору. Задачи ясны?

Он вопросительно посмотрел на стоящих чуть в стороне сержанта и гаишника. Те удивленно кивнули.

– Грузимся!

«Товарищем майором» оказался крепкий, мощного телосложения мужчина с полным одутловатым лицом, с серо-седыми волосами, зачесанными назад и прищуренными добрыми карими глазами, в которых читалось недоумение пополам с любопытством. Он сидел за длинным столом, по бокам которого выстроились старенькие, потертые стулья. Один из стульев занимал молоденький паренек, в форме, широкоплечий, с хорошо развитыми мускулами, выпиравшими из тонкой ткани рубашки. Он вертел в руках карандаш, выдавший вида потрепанный блокнот лежал рядом на столе.

– Мне позвонили, – майор пошевелил бровями вверх-вниз, пытаясь, видимо, показать, что звонили «сверху», то есть начальство, – приказ такой: посадить вас на поезд, сопроводить до купе. Ждать на перроне, убедиться, что вы в безопасности и точно уехали на поезде, и... И доложить о выполнении.

Майор встал, уперся руками в стол и из-под хитро прищуренных глаз посмотрел, как реагируют гости.

Олег разглядывал пальцы на руках и молчал. Не поймешь, о чем думает. Дина, поняв, что теперь все будет в порядке, их не тронут ни бандиты, ни полицейские, расслабилась и вовсю зевала, ночью-то спала плохо, все сны тренировала, а день выдался тяжелый. И вчерашний день тоже.

Тяжелый.

Не получив нужного отклика, товарищ майор поскуучнел. Он надеялся, что эта странная пара удовлетворит его любопытство. Как же! Часто ли в Прохоровку звонит товарищ генерал и отдает такие странные приказы? Кто эти двое? Не похожи они на серьезных фсбшников или там грушников, чтобы начальство так обеспокоилось. Может, сынок чей-то? Или дочка? Тоже вроде нет. Права не качают, с презрением не смотрят, личный транспорт и пятизвездочный отель не требуют. Непонятно. Ну, непонятно же! Майор подождал еще немного, не спросят ли чего, не скажут ли? Не дождался и раздраженно продолжил:

– Вот Семен, поступает в ваше полное распоряжение. На сегодняшний поезд вы опоздали. Следующий, что вам нужен, идет только завтра в четыре утра. Ночевать вас Семен отведет к бабе Свете. У нее все командированные встают на довольствие. Никто не жаловался. Семен же завтра утром и отвезет вас на станцию. Вопросы есть?

Семен ухмыльнулся, встал, и приглашающе махнул рукой, мол, пойдете.

Динка же не торопилась уходить. Да, грязная, помыться бы не мешало, переодеться, деду и Лиле позвонить, сказать, что завтра на поезд. А в душе боролись два чувства: жажда справедливости и самозащита. Справедливость требовала, чтобы Динка рассказала о Бахмете, Карго и кладбище на болоте. А самозащита, вбитая в натуру за долгие детдомов-

ские годы, вопила, что никому нельзя доверять, а этого майора никто не знает, что за мужик такой, что-то выведывает, щурится, непонятный мужик, в общем. И все-таки она решилась. Оглянувшись на Олега, который все также молча что-то рассматривал теперь на водолажке, Динка повернулась к майору:

–Поговорить бы. Наедине.

Майор облегченно вздохнул. Не ошибся, не ошибся, старый волк. Сейчас требовать начнут. Значит, детки чьи-то. Но заговорила гостя, после того, как Семен, повинувшись знаку начальника, обиженно вышел, совсем о другом.

– Я вам сейчас напишу на листке пять фамилий и имен. Это девушки из детдома в Енейске. Возможно, их разыскивают. Родных, конечно, не имеется, но вдруг кто-то... Девушек этих нет в живых. А похоронены они где-то вот здесь.

Динка подошла к карте района, занимавшей всю стену сбоку от стола, поводила пальцем по участку рядом с городом, и уверенно ткнула в пятно болот.

– Здесь. Старая заимка. Рядом болото.

Майор осторожно покосился на карту, потом на Динку. Он уже понял, что гости не «детки», но и то, о чем заговорила девица, не укладывалось у него в голове. Какие девушки? Какое болото? Что значит, нет в живых? Убиты? Или что?

– Я разговор подслушала. Нечаянно. У нас в городе бандит есть. Бахметов Юрий. Может, знаете? Его все Бахметом зовут. Он собственник нескольких автосервисов и ремонт-

ных мастерских для дальнобойщиков.

– Подожди-ка... Бахмет? Был такой. Однажды проходил по делу о поджоге как раз автосервиса, у нас, в Прохоровке. Адвокат приезжал, жук навозный. Быстро его из обвиняемого в свидетеля переквалифицировал. Так, и что?

– Второй – Карго. То есть, Анатолий Александрович. Фамилию не знаю. Он завхозом при нашем детдоме работал несколько лет. Карго- это прозвище. Легко найти.

– И что?

– Они между собой говорили о Тамаре Цветковой, вот, она последняя в списке. О том, что Бахмет ее отвез на болото, там и похоронил. А Карго смеялся, что у того на болоте целое кладбище «шалав».

– Шалав? В смысле проституток? Я что-то не совсем понимаю.

– Что здесь непонятного?– вмешался в разговор Олег,– у Бахмета притон с проститутками. Для дальнобойщиков. Девки все детдомовские, если что, никто искать не будет. Сам Бахмет в том же детдоме жил, всех знает. Оттуда и набрал себе, кого добровольно, кого силой. А когда кто-то из клиентов не сдержится, и проститутка погибает, Бахмет отвозит ее на болото. И, что называется, концы в воду.

–Теперь понял. И почему бандиты на вас напали там, на дороге, тоже понял. Повезло вам со спортсменами, ребята. Списочек я возьму, своим в Енейск позвоню. Но пока ничего не обещаю.

– Это не все. – Дина тоскливо посмотрела в окно,– еще Карго проверьте. Доказательств никаких нет, но я точно знаю, что его ребята из фирмы «Муж на час» воруют в тех квартирах, которые ремонтируют. Вы проверьте по адресам.

–Теперь все?– майор быстро черкал что-то в блокноте,– тогда идите, Семен заждался. Бабе Свете привет от меня.

Дом бабы Светы поражал продуманностью и современной техникой. Имея совсем небольшие габариты, вмещал в себя два санузла, на первом и втором этажах, большую кухню– столовую, три спальни. Для не слишком большой Прохоровки с ее двух-трех-этажными панельными домами и огромным частным сектором, состоящим, в основном, из одноэтажных кирпичных дачек, крытых шифером, почти что хоромы. Динка с наслаждением вытянулась на скамье в нагретом, горячем воздухе баньки,– да, да, на шести сотках, кроме обычного огорода, пары яблонь и нескольких кустов со смородиной, здесь оказалась русская баня, построенная, похоже, не так давно: еще пахли смолой гладкие бревна. Дина простирнула немудрящее бельишко, вывесила его на веревке, натянутой между двух вбитых столбиках за банькой, у забора. И теперь наслаждалась тишиной, чистотой и покоем. И чистой совестью наслаждалась тоже. Рассказала майору о Тамаре и других девушках, и будто камень упал с души. Теперь она поняла, какое правильное это выражение: «камень на душе». Сейчас Олег звонит, наверное,

своей Раде, все докладывает, телефон зарядил, конечно, вон уж сколько времени прошло! Завтра они сядут в поезд, Бахмета поймают, девушек найдут и похоронят, как полагается, с именами, на городском кладбище. Все будет хорошо.

Он смотрел вверх, сквозь слой мутновато-зеленой воды, и видел золотисто-желтый шар солнца и лучи, протыкающие воду в нескольких местах. Только вода помутнела, а шар солнца отдалился, и свет его лучей еле пробивался сквозь толщу темной, кажущейся теперь враждебной, воды.

Алиса вскочила и достала из кармана больничного халата мобильник.

– Рада? Послушай, что-то происходит с мальчиком. Я была неделю назад, солнце светило в его сне, рыбки плавали. Вполне себе радостная картина. А сейчас, будто потемнело все, как перед грозой. И вода мутная, и солнце такое... бледное. Мне кажется, мальчик уходит. Понимаешь? Воспоминания гаснут! Если картинка потемнеет... Где там твоя сноходица, ты же говорила, что она в пути уже! Может не успеть! Рада!

За столом, уставленным деревенскими деликатесами: жареная на огромной сковороде картошка, сало, нарезанное на нежные розовые брусочки, пупырчатые хрустящие огурчики, пряно пахнущие укропом и любистоком, домашний хлеб, нарезанный большими неровными ломтями, сидели

все. Баба Света, немного выпившая самогонки с Семеном (Дина и Олег отказались наотрез), хвасталась внуками, построившими ей этот дом и регулярно снабжавшими жильцами. Внуки, двое из которых работали в полиции, по ее словам, были «ух, какие» мужики, рукастые, да головастые.

Зазвонил мобильник Олега, и он, извинившись, вышел. Динка, разомлевшая от тепла, сытной еды, под непрерывно журчащей ручеек бабы Светиных воспоминаний, почти задремала, когда Олег, вернувшись, пошевелил ее плечо.

– Выйдем? Новости есть.

– Надеюсь, радостные,– Дина со вздохом выползла из-за стола и покорно пошла за напарником на улицу, чувствуя, что «новости» ничего хорошего не обещают. Не ошиблась.

– Не знаю даже, с чего начать,– Олег ковырял носком ботинка землю возле крыльца,– в общем, в Москве в клинике мальчик умирает. Тебя ждут, очень ждут. Надеются, что ты сможешь помочь.

– А как? Как я помогу? Я же не врач, и вообще, при чем тут я?

– Твой дар нужен. Мальчик в коме. Несколько месяцев уже. Купался, ударился головой, и... И все. К нему Алиса приходит, я тебе рассказывал о ней, помнишь? Она видит то, что видит он. А он видит свое последнее воспоминание после удара. Эта картинка постоянно в его мозгу. Врачи все испробовали, родители тоже. Не получается выдернуть его из этого состояния: покой, вода и солнце. Равновесие, которое

мальчик, вернее его мозг, не хочет нарушать, ему так комфортно. Ты же в сны ходишь? Попробуй его, не знаю, уговорить, толкнуть во сне, чтобы он из этого равновесия вышел, ну и ... вынырнул, что ли, на поверхность.

– Да вы что?! – дремота мигом испарилась, Динка разозлилась, – Что вы напридумывали с этим даром? Как я мальчика толкну? Бред какой-то. Я видела всего четыре сна! Вместе с поцелуем – всего четыре! Я ничего не знаю об этом своем даре, ничего не умею. И вот тебе сюрприз – толкни мальчика во сне!

– Умиряющего мальчика, – Олег посмотрел на нее недобро, – понимаешь? Динка осеклась.

– Я постараюсь помочь как-нибудь. Сколько примерно времени у меня есть? Чтобы я подготовилась?

– Алиса будет контролировать, но не думаю, что много. Может, совсем не осталось. Думай.

Весь вечер Олег наблюдал за Диной. Они еще раз попили чаю – баба Света заварила в огромном китайском термосе чабреца с мятой, Дина послушно пила, ела пряники, молчаливо сносила плоские после самогона шуточки Семена. Чувствовалось, что мысли ее были далеко. Олега волновало поселившееся в Дининых глазах беспокойство, но он видел, что девушка не хочет делиться с ним, может, злится на то, что был резким, даже грубым. Пусть привыкает. Такая теперь у нее будет жизнь – вечный выбор. Олег еще раз во-

просительно взглянул на девушку. Она, поймав его взгляд, с досадой отвернулась. Что ж, не хочет— не надо.

Дину же грыз страх. Ответственность за чью-то жизнь словно давила где-то в районе сердца, разрастаясь тягучей, ноющей болью. Что делать? И как делать? Получается, нужно проникнуть в сон (а кома— это сон или нет?) и попытаться уговорить. А если мальчик не станет с ней вообще разговаривать? Тогда... Вот именно, что тогда? Ей нужны опыт, тренировки. Олег сказал, времени почти не осталось. Значит, сегодня ночью она будет учиться. Олег разрешил ей ходить в собственные сны. Раз. Вон Семен уже укладывается — ему постелили в кухне, на мягком диванчике в углу рядом с кадкой, в которой рос фикус с большими мясистыми листьями. Два. Баба Света еще есть. И потом. Можно ходить в сны не только тех, кто рядом. Есть Лиля, есть дед. Все сгодятся. Самой спать почти не придется, но ничего! Она в поезде наверстает!

Через час, когда все улеглись, Семен внизу, на своем диванчике— лег и сразу захрапел, баба Света тоже внизу, в небольшой комнатке позади кухни, а Дина и Олег наверху, в двух соседних спальнях, пришло время действовать. Дина в бабкиной ночной сорочке — льняной белой просторной рубашке, с завязками у ворота, тихо прокралась вниз, посмотреть, спит ли Семен. У нее никак не получалось войти к нему в сон, или сон был таким... непонятным. Какие-то призраки, обвалы, пещеры. Фэнтези, что ли начитался? Или это вооб-

ще не Семен?

Полицейский Семен, приставленный товарищем майором сопровождать и охранять Олега с Диной, спал, разметавшись, его руки беспокойно теребили пододеяльник, уже довольно сильно измочаленный, голова металась по подушке, с губ шепотом срывались какие-то бессвязные выкрики и ругательства. Динка, привидением стоявшая под фикусом, согласно покивала головой. Семен это, его сон был, зря она засомневалась. Не мудрено так дергаться, когда за тобой гонится призрак. Ну что ж, начнем. И Дина, тихо пройдя прохладные гладкие деревянные ступени лестницы, вернулась в свою спальню.

...Семен в который раз оглянулся. В глубине подземной пещеры, заваленной обрушившимися серыми мшистыми валунами, струился свет. Один из валунов зашатался, и отвалился в сторону. Высокая фигура, закутанная в черный плащ с капюшоном, неожиданно выползла оттуда, и, засмеявшись сухим, надтреснутым смехом, шепеляво прокашляла:

– Ты при-ш-ш-ел за мной? Спаси-и, Сема-а-а...

Дина, осторожно вошедшая вслед за Семеном в пещеру, покрутила головой. Который раз она это видит. Сон, мучительный и реальный повторялся и повторялся, пугающий, яркий. В нем он раз за разом убегал от мертвого человека в черном плаще, кричащего ему вслед: «Вернись, спаси». И все-таки призрак догоняет Семена, тащит под землю, при этом глумливо хохочет. Семен кричит, вырываясь из про-

зрачных рук мертвеца, отбивается, но в конце концов сдаётся, беспомощно повисает у того на руках и тихо плачет.

За час Дина уже три раза попала в один и тот же кошмар полицейского. Сначала за Семеном бегал мертвец, ловил его, потом Семен, повисший в руках этого мертвеца, начинал плакать, затихал, видимо переворачивался во сне на другой бок, и просыпался. И снова все начиналось заново. Семен попадал в ту же пещеру, и призрак его уже ждал. Дина, пока наблюдала за развитием этой, начинавшей надоедать уже, истории, училась переодеваться во сне. Сейчас, в пещере, невидимая Семену, она стояла в джинсах и кожаной куртке. Дина видела однажды такую на рынке. Теплая, удобная. И джинсы Дина выбрала дорогие, не индийские. Еще придумала себе солидные кроссовки, надетые на толстые носки. Тепло! Еще раз оглядев себя с удовольствием, она, не давая Семену очнуться и выйти из сна (сколько можно!), решила вмешаться и начала подбираться к призраку. Чем ближе Дина подходила, тем менее прозрачным казался ей призрак, наконец, она разглядела его лицо. Курносый, совсем молодой, с длинными светлыми волосами, затынутыми на затылке в хвост, с серыми глазами, вблизи он был совсем не страшным. Дина перевела взгляд на Семена. Тот, зажмурившись, сжав руки в кулаки, закрывал ими лицо, будто боялся, что его ударят. Или не ударят, а просто не хочет Семен видеть этого мертвеца, поняла Дина. И она решилась.

– Семен, а Семен...

Тот вздрогнул, открыл лицо и затравленно огляделся. Призрак исчез. А пещера осталась. Семен перевел взгляд на Дину. И, как ей показалось, облегченно вздохнул.

– А я тут гуляла, смотрю, какой-то мертвый человек тебя в пещеру тащит, думаю, пойду помогу, не чужой ты мне вроде человек. Кто это был?

– Не могу больше, ну не могу я больше!

Семен снова закрыл ладонями лицо, сполз по камням на пол пещеры, не замечая, как острые осколки царапают ему спину. По грязным щекам из-под ладоней потекли слезы.

– Это мой бывший друг, Валерка. Вернее, я – его бывший друг. Он погиб из-за меня. Теперь приходит во сне каким-то страшным призраком и душит, душит. Он диггерством увлекался. Здесь, не так далеко штольни есть. В двадцатых-тридцатых годах для нашего комбината заключенные добывали известняк. Штольни вертикальные, уходят на километры вглубь гор.

А недавно выяснилось, что геологическая партия в полном составе пропала тогда. Вроде бы они наткнулись во время своих исследований на не совсем обычные явления, какие-то хрономиражи, это такие оптические картины из прошлого, как кино. Геологи дали подписку о неразглашении, да и сгинули. Архив историки нашли, а там отчет об этой партии. Маршрут, и описание этих миражей. Выглядят, как рабочие из прошлого века. С кирками, с лопатами. И не один раз, а постоянно, на одном и том же месте. Вот диггеры эти

и всколыхнулись. Там регулярно кто-нибудь по этим штольням бродит, искатели приключений хреновы. А тут маршрут на карте, геологи исчезли, хрономиражи эти! Валерка ко мне поздно вечером прискакал, глаза горят, говорит, завтра выходим, давай с нами? У меня выходной, под землю лезть не хотелось, но он меня уговорил, пообещал, как вернется, на рыбалку со мной съездить. Он рыбак знатный был, все про клев, подкормку, места рыбные знал, с ним без полного ведра улова никто не возвращался. Ну, я согласился. У меня машина была, жигули старенькие, еще отец на них ездил, в общем, часа через три утром мы были уже там. Сначала я с ними пошел, потом поотстал: сыро, холодно, темно. Так, брел потихоньку. Вдруг, слышу, грохот. Это проход обвалился в штольне. Как раз на маршруте этом проклятом. Ну, и всех их там и засыпало. А я остался. Стою, думаю, и что теперь? Покричал, покричал. Тишина. Вышел на свет божий, и думаю, я же полицейский, мне это в характеристику вообще не надо, ясно же, что диггеры эти погибли. Ну, в общем... Сбежал я. Весь день пил. На следующее утро пришел сам в отделение, доложил, что друг, мол, на телефон не отвечает, а вчера с ребятами хотел в штольнях побродить. А в отделении уже пара мамаш в истерике бьется. Так что я еще и героем стал, указал место, где искать. Ну, не саму штольню, а только вход. Мол, мне Валерка показывал раньше.

Семен долго молчал. Потом поерзал, пересел чуть дальше и продолжил:

– Ну, вот. Искали их с собаками полдня. Нашли. Солдат нагнали. На раскопки. Еще день. Потом эксперт мне сказал, мол, один еще теплый был. Если бы сразу нашли и раскопали, может и выжил бы.

– Это Валера оказался? – Дина слушала, брезгливо поджав губы, надо же, скотина какая, а на вид, отличный парень, да еще и полицейский.

Семен кивнул.

– Вот и снится он мне теперь, особенно, когда выпью. Я и пить почти перестал, это сегодня что-то расслабился, позарился на бабкин самогон. Я уже и свечку ставил в церкви, и службу заказывал, ну эту, отпевание, хотя Валерка неверующий... был... Но, точно крещеный. Я и матери его помогаю постоянно. Огород, продукты, путевку раз достал, в санаторий. Что мне делать?

Семен смотрел с такой болью и мольбой, что Дина жалилась. Он ведь и так страшно наказан, хоть и скотина, а прошлого все равно уже не вернуть.

– Я попробую помочь.

Она вызвала в памяти курносое лицо, и призрак, в том же черном плаще и с капюшоном, накинутом на голову, вышел из бокового прохода, протягивая руки к сжавшемуся от страха Семену. Дина пыталась вспомнить хоть какое-нибудь кино про призраков, как они там погибают? Распыляются? Рассыпаются? Нужно, чтобы картинка была узнаваемая. Чтобы поверил Семен. Призрак же неживой, физически никак его

не одолеть. Да и вообще, это не призрак, это кошмар, просто погибший, воображаемый Семеном. Тогда что делать? Тогда нужно изменить информацию. Вина не уйдет, а ужас сгинет.

Дина сейчас четко определяла, что она во сне. Она уже могла одеваться, как ей было нужно, спрашивать то, что нужно. Теперь нужно попробовать изменить сон, декорации, финал. В общем, попробовать хоть что-то изменить. Пора.

– Валера... – обратилась она к призраку, – ты же погиб сразу? Мгновенно, да? Эксперт все наврал? Не мог ты быть теплым, больше суток пролежав в ледяной пещере?

– Да...

– Не будешь больше Семена пугать?

– Да...

– Семен маме твоей помогает, и дальше будет помогать.

– Да...

Ну, извините, не такая у нее фантазия, чтобы мертвецы во сне болтали, достаточно и простого «Да», чтобы в голове Семена засела информация о мгновенной смерти друга и обмане эксперта. Наверное, достаточно. И вообще, все получилось. Призрак говорит то, что ей надо, Семен слушает и верит. А она хочет спать. Пожалуй, все на сегодня. А, нет, еще одно.

– Семен... Посмотри на меня.

И повернула к нему свое лицо, нет, не свое, а артистки, из модного сейчас сериала с ТНТ. И удовлетворенно улыбнулась, видя, как озаряются узнаванием заплаканные глаза

полицейского. Дина поняла, что права. Оказывается, не так сложно управлять сновидением, нужно точно знать, чего ты хочешь добиться в итоге. И информация нужна тоже. И во-ображение.

Ну вот, теперь все. Семен будет помнить, что ему снилась красивая артистка, во сне он поговорил с Валерой, эксперт обманул, а погиб его друг мгновенно.

Обогадившись еще одним опытом— менять лицо по желанию, Дина вышла из чужого сна и, будто из нее выпили все жизненные соки, обессиленная, мгновенно уснула. Без сновидений.

– Дина, вставай...

Нет!!! Она же только что закрыла глаза!

– Вставай, вставай, я вижу, ты проснулась.

– Дай мне еще минуток десять...

Из-под головы выдернули подушку.

– Я приснюсь тебе во сне в страшном кошмаре! Буду плясать на твоих костях и... и....

Стало холодно. Динка приоткрыла глаз и увидела, как Олег, деликатно повернувшись к ней спиной, аккуратным квадратиком складывает одеяло. В панике оглядев свой ночной наряд: задравшуюся мятую рубаху и трусы, бежевые, в мелкий зеленый рубчик, Дина подскочила и заметалась по комнате в поисках одежды. Из кухни донесся запах жареных блинчиков, кофе, бодрый голос Семена, напевавшего что-то веселое. Динка скрипнула зубами. Он-то выспался!

В кухню с лестницы Дина еле заползла. Увидев до отвращения радостного Семена, злобно выплюнула:

– Хорошо выпался? С артисткой с ТНТ?

Увидев глаза ошалевшего Семена, она склонилась над большой кружкой с кофе и, сделав первый обжигающий глоток, зажмурилась от удовольствия. Злость на охранника сразу испарилась, и Дина, покосившись на притихшего Семена, буркнула:

– Или кто вам, полицейским, обычно снится? Уж точно не Людмила Гурченко! Насмотрятся тупых сериалов, потом поют по утрам...

Сема снова повеселел, стал еще быстрее носиться по кухне, помогая бабе Свете накрывать на стол. А Дина поймала внимательный взгляд Олега и отвернулась – все еще злилась на такое бесцеремонное пробуждение.

На вокзал они подъехали заранее. В сумерках поезд стоял на первом пути, проводницы у открытых дверей готовились принимать пассажиров, хотя до отправления оставалось еще полчаса. Дина, опухшая, с насоро и поэтому плохо заплетенной косой, из которой выбивались прядки, ядовито пробормотала в сторону, мол, могли бы еще спать и спать!

Семен, получивший с утра инструкции по телефону, не обращая внимания на ее брюзжание, уверенно шел сквозь редкую толпу провожающих. Подойдя к шестому вагону, притормозил, достал удостоверение и, приобняв полненькую, кокетливую девушку в форме, что-то зашептал ей на

ухо, указывая рукой на Дину с Олегом. Так что расположили их в почти пустом купейном вагоне с комфортом.

– До Самары осталось всего десять часов, вряд ли кто подсядет, новые пассажиры будут только в плацкарте или общем, – сообщила им девушка, – так что выбирайте любое свободное купе. Через пару часов вообще одни в вагоне окажетесь. Спать будете?

– Обязательно! – Олег кивнул на Динку, которая прислонилась спиной к стенке купе и дремала.

– Сейчас белье принесу. И чай.

Дина, услышав про белье, встрепелась, подумала минутку и выбрала нижнюю полку: тут ей будет удобно спать. Она с любопытством огляделась. Это купе отличалось от того, где они с Олегом намеревались ночевать первый раз, как отличаются между собой звенящая жизнью молодость и тихо доживающая свой век старость. Купе было молоденьким, со скрипящей кожей сидений, накрахмаленными занавесками на широком окне, кокетливо разложенной салфеткой на столе, и почти новым ковриком на полу.

– Отправляемся! – услышала Дина и выглянула в окно. Семен, выполняя указание товарища майора, ждал на перроне, прямо напротив окна купе, Дина помахала ему рукой. Наконец заскрипели нехотя колеса, поезд медленно тронулся с места, и Дина уже не увидела, как Семен достал мобильный, набрал номер, и произнес:

– Передай Бахмету, птички полетели. Сказал, не будить?

Значит, передай Карго. У них десять часов. Вагон пустой.

Вагон мягко покачивался, Дина прихлебывала мелкими глотками горячий сладкий чай из стакана с подстаканником и вспоминала свои ночные приключения. С Олегом она не разговаривала, не потому что сердилась, нет, ей просто не хотелось говорить. Одна мысль, как заноза, засела у нее в голове. Мертвец в капюшоне из сновидения не давал ей покоя. И страх Семена, его сопли-слезы.

Олег делал вид, что не задет молчанием Дины, но, сам того не замечая, время от времени бросал на нее любопытные взгляды. Что-то изменилось в настроении его спутницы. Он еще раз внимательно на нее посмотрел и внезапно понял, что его насторожило. В ней не осталось робости, страха и постоянной тревоги в глазах. Еще вчера послушная, прижатая страшной судьбой знакомых по детдому девушек, до дрожи боящаяся погони и любого упоминания о Бахмете, сегодня она выглядела спокойной, уверенной и даже дерзкой. Была в этом какая-то странность. Что могло произойти за одну ночь? Он повернулся, чтобы, наплевав на гордость заговорить первым, так и быть, но все выяснить, и увидел, что Дина крепко спит, разметав по подушке красивую длинную косу.

Дина же, едва войдя в свой сон, начала обустривать декорации:

Вокруг высился лес. Не тот, где она ночевала с Олегом, а

другой: густой, дремучий, окутанный туманом, ночной лес. Не было слышно птиц, только подозрительные шорохи, да журчание ручейка, вытекающего из болота. Под ногами пружинил густой темно-зеленый мох. Тяжелый запах гниющих коряг и растений прилетал с болота, подгоняемый ветерком.

Дина ощутила себя в этом лесу, осмотрелась внимательно, не упуская даже мелких деталей, выбрала место, с которого она будет наблюдать и управлять своим сном, своим наказанием. Да, она решила, что сама накажет Бахмета. Вернее, попытается. Неизвестно, чем закончится полицейское расследование, он хитрый, умный, наймет адвокатов, те докажут, что их белого и пушистого клиента просто оговорили. И доказательств нет. Можно поискать камеры видеонаблюдения по дороге на болото, увидеть, что машина Бахмета там проезжала в тот день, когда пропала Тамара. Но это все. На болоте камер нет, что в машине бандита находилась мертвая Тамара, на камерах тоже не будет видно. Динка встряхнула головой. Не надо отвлекаться. Сейчас примерно пять утра, Бахмет наверняка спит, поэтому она сейчас позовет его сюда, в этот лес, в свой сон. Она так еще не делала, она очень боится, но всю дорогу, от бабы Светиноного дома до вокзала, Динка решала, как она это устроит. Вызовет Бахмета и тут, во сне, с ним разберется.

Этот лес специально был ею создан, такой, как в кино. Жуткий, загадочный, молчаливый, скрывающий тайну. Дина огляделась. Все. Она готова. Сначала Бахмет. Дина пред-

ставила его, такого, как видела в том сновидении, где Бахмет и Карго упоминали кладбище на болоте— светлые волосы, бледно-голубые, холодные, как вода зимой, глаза. Волосы по последней моде чуть подбриты над ушами. Одежда очень дорогая. И звериная грация. На мгновение у Дины сбилось дыхание, получится, или нет? Получилось...

Бахмет стоял, небрежно прислонившись к дереву на краю поляны, и внимательно рассматривал лес... Дину он видеть не мог, она заранее решила, что не нужна в этом сценарии. Так, теперь еще один участник, вернее, участница. На поляне стало оглушительно тихо. Призрак девушки, Тамары, шел по ковру влажного мха прямо к Бахмету.

Дина могла только предполагать, как она выглядела перед смертью, но воображение и яростное чувство мести сделали свое дело. Картинка получилась яркой и ... очень страшной. Безбровное лицо, рассеченная шрамом щека. Светлые волосы, спутанные в колтуны, потемнели от грязи и торчали во все стороны. Из ран на груди, на ногах, на шее, сочилась темно-красная, почти черная, кровь. А глаза... Бахмет, увидев призрак Тамары, окаменел и вздрогнул, когда вместо синих Тамариных глаз на него уставились два черных омута, в которых полыхала жгучая ненависть.

Лес в этот момент переродился, стволы деревьев и листва почернели, мох под ногами тоже сменил цвет — стал, будто после пожара,— скрюченным, жестким, выгоревшим.

Девушка подошла вплотную к бандиту, безвольно качну-

лась, искаженное в муке лицо искривилось, и она протянула к нему согнутые под неправильным углом руки:

– Ты-ы-ы,— прошелестела Тамара,— ты-ты-ы-ы... уб-и-и-л...

Бахмет смотрел, как она к нему приближалась и молчал. Дина искала в его лице признаки паники, хотя бы малейшего испуга. Семен, как она помнила по прошлой ночи, вообще от страха перестал соображать. Честно говоря, дальше она сновидение не продумывала, считала, что бандит будет, как Семен, кричать от ужаса, а возможно, рыдать и просить прощения. Вот на такую концовку у нее был припасен сценарий. И что придумать сейчас? Это же не только ее сон, но и Бахмета тоже. Как он сейчас среагирует?

Бахмет же грубо оттолкнул девушку в сторону. Она отлетела, перевернулась и быстро, униженно, поползла обратно к его ногам.

У Дины, невидимой за широким стволом столетнего дуба, сжались кулаки так, что ногти вдавились в ладони. Тварь! Сейчас ты получишь!

Она вспомнила всех пропавших детдомовок.

И что-то изменилось вокруг. Воздух задрожал, контуры предметов начали расплываться. Словно дуновение ледяного ветра шевельнуло мохнатые ветви деревьев на поляне, заставив Бахмета мгновенно замереть на месте. А затем настоятельно оглядеться и увидеть замерших на пригорке рядом с болотом других погибших девушек. Они медленно побре-

ли к нему. И Дина со злорадством отметила первые признаки смятения на наглom лице.

Существа с бледными неподвижными лицами, с черными провалами вместо глаз, с руками, на которых красовались загнутые когти, в лохмотьях, с трупными пятнами на ногах, ленивыми кругами заскользили по поляне и лесу, подбираясь все ближе, сужая расстояние до виновника их смерти. Они внушали настоящий животный ужас, правда, признать в них прежних девушек было крайне сложно, но количество погибших Дина знала точно, место она выбрала то самое, где они похоронены, поэтому бандит поймет, кто это. Бахмет наконец дрогнул и стал медленно отступать на поляну. Он неожиданно напомнил ей загнанного в угол волка – матерого, свирепого, настороженно ожидающего, пока кто-то из его преследовательниц совершит ошибку. Девушки следовали за ним по пятам, постепенно настигая, сужая круг. На мгновение на поляне стало оглушительно тихо, Дина увидела, как в темноте отчетливо засветились глаза призраков, и тела столкнулись, а потом сплелись в клубок. Дина уже сама не отличала, где ее сон, а где сон бандита. Она слышала бесконечное множество голосов, звучащих то ли в ее голове, то ли в его. Попыталась разобрать, о чем они говорят, потом поняла, что не может, тогда, просто от себя, добавила жутковатый шепот, шелестящий имена:

– Тамара-а-а..., Танечка-а-а..., Светка-а-а..., Алёна-а-а..., Ирина-а-а..., Оксана-а-а...

Бахмет жутко скалился, пытался отбиваться, а призраки нападали вновь и вновь. Раздался треск. Из клубка тел, что катались сейчас по поляне, вылетели куски одежды. Затем раздался крик. Затем хохот.

«Больно, – мстительно шептала про себя Дина, – везде больно, от боли некуда деться, она терзает твоё тело, сводит руки, рвет ноги. Ты не можешь даже кричать, потому что от ужаса останавливается дыхание, ты не можешь...»

– Дина, Дина, очнись!

Внезапно краски выцвели, а поляна с окружавшими её деревьями, раньше походившая на смертоносный круг с клубком вьющихся тел в центре, на который было страшно смотреть, стала отдаляться и таять. Последнее, что она услышала, выходя из сна, – это жуткий, какой-то звериный, вой Бахмета, и почувствовала удовлетворение – значит, ей все-таки удалось, и враг наказан.

Она с укором взглянула в склонившееся над ней лицо:

– Ну, прямо на самом интересном месте! Всего пять минут не хватило...

И она сладко потянулась.

– Станция. Я хочу выйти, купить газет каких-нибудь, журналов... Как-то на два дня вообще из жизни выпал с твоим побегом.

– Ну и вышел бы, а зачем будить?

– Не хочу тебя отставлять одну, спящую. Мы теперь вдвоем с тобой на весь вагон. Последние пассажиры только

что вышли. Остались мы и проводницы. Одна спит, одна чай принесла, хочешь? Вставай, а я пошел. Стоянка пятнадцать минут. Тебе купить что-нибудь? Почитать? Поесть?

– Не нужно ничего. Поесть– вон баба Света целую авоську насобирала в дорогу, а почитать... лучше поболтаем. Про Москву мне еще расскажешь, про Раду и Кластер.

– Ты не выходи никуда из купе. Я быстро.

Дина быстро заправила постель, свернула ее калачиком и с третьей попытки забросила тяжелый бельевого ком на верхнюю полку. Привела в порядок волосы, провела ладошкой вдоль одежды, разминая складки. Передвинула стаканы в подстаканнике, выложила бабы Светины блинчики и ватрушки на пластиковую одноразовую тарелку. Олега все не было. Дина отодвинула занавеску и выглянула в окно. По платформе, заполненной народом лишь на треть, снова ли бабки с кульками, в которых виднелась еда: вареная картошка, огурцы с помидорами, пирожки. Киоск, куда пошел Олег, примостился сбоку от здания вокзала, не нового, но опрятного, аккуратно покрашенного. Возле окошка с прессой толпились пассажиры поезда, в основном мужчины, в тапочках, майках, растянутых трико, окруженные сигаретным дымком. Олега не было. У Дины от предчувствия нехорошо засосало под ложечкой. Умом она понимала, что парень мог быть где угодно, до отправления еще пять минут, но последние события научили ее быть постоянно настороже. Она быстро выскочила из купе, с силой сдвинула за собой двери,

повернулась и... От купе с проводницами к ней, гадко ухмыляясь, вразвалочку шел бандит. Дина видела его несколько раз у Карго. Она мгновенно развернулась в противоположную сторону— с другого конца вагона ей навстречу двигался другой бандит, тот не ухмылялся, но в его намерениях можно было не сомневаться — он держал в руке пистолет. Дина вбежала в купе и бросилась к окну. С отчаянием дернула вниз ручку окна, раз, другой, та не поддавалась.

— Не открывается? Печалька.— с издевкой произнес голос за спиной. Она со страхом оглянулась. Двое бандитов уже входили внутрь. Тот, что с пистолетом схватил ее за волосы так, что Дина взвизгнула от боли, и отбросил в угол. Больно стукнувшись спиной об угол столика, она забилась с ногами на сиденье и обхватила себя за плечи.

— Посиди пока,— первый, знакомый, сел напротив, оглядел накрытый к завтраку стол, схватил ватрушку, откусил, начал жевать. Второй, с пистолетом, вышел и двинулся в сторону проводниц. Поезд дернулся и медленно поехал. Раздался шум, Дина с надеждой посмотрела на дверь. Бандит даже не пошевелился.

В купе заволокли Олега. Лицо его было разбито, из носа капала кровь, опухший глаз наливался нездоровой синевой. Парня толкнули в противоположный угол так, что он оказался напротив сжавшейся от ужаса Дины. Теперь один бандит сидел рядом с ней, обдавая запахом пота и давно нестиранной одежды, другой плотно подпирал Олега, третий стоял в

проеме купе и нагло разглядывал девушку.

– Ну что, набегалась, красавица? Пора домой, к папочке Бахмету. В его гнездышко. Тебя там давно ждут. Представляю, какая очередь к тебе выстроится. Никаких денег не жалко.

Дине стало тяжело дышать, воздух сделался густым, будто состоящим из микроскопических осколков– острых, болезненных. Хотелось завывать. Как же так? Что теперь делать? И никто не поможет! Никто!.. И ее тоже похоронят на кладбище шалав. На гнойном вонючем болоте. И Бахмет наматает ее косу на руку... И...

Вдруг она замерла, поразившись простой мысли, молнией промелькнувшей в ее лихорадочно ищущей выхода голове. Она не дастся. Не будет шалавой в притоне Бахмета. Она умрет. Сейчас. Или позже. Лучше сейчас. Да, страшно. Очень страшно. Очень. Но это тот самый выход. Единственно правильный выход. Как там Олег сказал? Отступить– не значит сдать? Нет, не так. Умереть– не значит сдать. Так правильно.

Она приняла решение, и решение это будто высушило ее душу, лишило ее каких бы то ни было страхов и избавило от сомнений.

И воздух хлынул в легкие, Дина вздохнула полной грудью, спокойно отодвинула локоть «своего» бандита, больно упиравшегося ей в бок, протянула руку к стакану с чаем, сделала несколько глотков и стала безразлично смотреть в окно

на проносящиеся мимо деревья.

– Не торопись,– услышала она голос Олега. Он шепелявил, видимо из-за разбитой губы, но говорил внятно.

– Не торопись в очередь вставать. Девушку будут искать. Ты не знаешь разве, что в Прохоровку полицейскому начальнику звонил генерал из Москвы? Просил похлопотать за нее. Ее ждут в Москве. И искать будут. Это тебе не простая девочка из детдома. И шум будет. И шмон будет.

– А этот умный рыжий кто такой? – кивнул на Олега бандит, только что описавший будущее Дины.

– Они вместе еще с базы бежали. Это тот козел, что Коляна вырубил и ствол его забрал.

– Ух ты! Смелый, что ли? Не боишься, что сейчас чикну тебя, да в лес выброшу, мы как раз мимо проезжаем. И не найдет никто.

– Меня найдут. И тебя найдут.– Олег сплюнул на пол кровь и постарался выпрямиться, несмотря на боль в ребрах.

– Ну, ну, мечтай пока. Так, мужики. Я пойду бригадиру позвоню, скажу, пусть к следующей станции машину пришлет. И спрошу заодно, что с этим рыжим фраером делать. Не тащить же его с собой.

Бандит, весело насвистывая ушел, но быстро вернулся. Он был растерянным и бледным. Рядом с ним стоял четвертый. Тот, что охранял проводниц.

– Мужики... Бахмет помер...

Дина вздрогнула и неверяще уставилась на говорившего.

– Как помер?! Он же молодой совсем!

– Бригадир сказал. Чалый к Бахмету пришел утром, позвонил, а тот дверь не открывал, не открывал, а потом как завоет! Чалый дверь выломал, забежал в спальню, а тот мертвый. Глаза открытые, зрачки закатились, а вся шея расцарапана.

– Закинулся чем-нибудь... В городе какой только дряни нету...

– И это не все... – бандит медленно провел рукой по лицу, словно раздумывая, говорить или нет, и продолжил – Карго арестован.

– Как!!! Откуда ты знаешь?

– Чалый бригадиру стал звонить, а тот ему, мол, бегите, пацаны, у Карго обыск, сейчас к Бахмету едут.

В купе наступила тишина, прерываемая лишь ритмичным перестуком колес поезда.

– Что делать будем? – прервал паузу тот бандит, что сидел рядом с Олегом.

– Валить надо. Сейчас дернем стоп-кран и в лес. Я эти места знаю, час ходьбы и выйдем на трассу. Там – расход. Кто куда. И телефоны выбросьте.

– А с этими что? – Бандит кивнул на Олега и Дину.

– Они Бахмету нужны были. Бахмета нет. Карго нет. Хочешь полицейского генерала себе на хвост из-за девки? Я не хочу. Все. Дергаем.

Он изобразил рукой какой-то непонятный знак и быстро

вышел.

У Дины, жадно слушающей новости, спешно запоминающей внешность всех бандитов (она потом собиралась во сне с ними разобраться, с каждым по одиночке), в глазах внезапно вспыхнул разноцветный фейерверк, и она погрузилась в темноту без сновидений.

«Тук-тук, тук-тук, тук-тук», – ее будто тащили по рельсам вниз головой, и голова эта словно подпрыгивала и со стуком падала на каждой шпале. Дина, ничком лежавшая на полке, с трудом села и разлепила глаза. Поезд стоял. По вагону быстро шли какие-то люди. Нога упиралась во что-то мягкое, и Дина медленно перевела взгляд себе под ноги. Олег! Он лежал неподвижно, прикрывая лицо руками в наручниках. Дина, преодолевая дикую боль в голове, сползла на пол и обняла ладошками ставшее родным лицо в веснушках. На его виске рвано билась вена. Живой! А бандиты сбежали!

После короткого разбирательства и еще более короткого допроса проводниц и двух избитых пассажиров, когда выяснилось, что бандиты, которые испортили стоп-кран, скрылись в лесу, поезд продолжил путь.

Дину и Олега проводницы позвали к себе в купе «отпраздновать спасение». На столе появились бутылка шампанского, нарезка и, даже, икра. Галка, та из проводниц, что спала, сдав смену, рассказывала, как, проснувшись увидела пистолет «прямо, вот прямо у глаз». А вторая, Иришка,

нервно посмеиваясь, вспоминала, как уже попрощалась с белым светом, когда «бандитская рожа» скрутила ей руки. У Дины проснулся зверский аппетит, она поглощала бутерброды с икрой, запивала шампанским и в свою очередь веселила проводниц подробностями их с Олегом противостояния с бандитами. Не все, конечно. Не сказала, что приходили бандиты именно за нею. И вообще, рассказывала только мелочи. Как потеряла Олега, как его, уже избитого, втокнули в купе, как старший все пугал их, а потом сказал, что нужно «валить». Вроде и не наврала, но и правды не сказала. И все время ловила на себе изучающий взгляд Олега. Он угрюмо молчал весь «праздник спасения», зато девчата отрывались вовсю. Галка в конце даже спела «Ой, рябина кудрявая...», подперев кулачком голову и грустно улыбаясь.

В свое купе Дина вернулась повеселевшая и сытая. Стараясь не замечать мрачных взглядов Олега, расправила постель, намереваясь немного подремать. Семь утра. Еще спать, да спать. Напряжение последних дней, хождение в сны по ночам и решение умереть всего час назад, ну и, совсем немного, выпитое шампанское, совсем лишили ее сил.

– Это ты убила Бахмета? Во сне? – услышала она и резко повернулась.

– Я вообще-то не знала, что он умрет. Хотела наказать его за девчат. Ты же сказал, что нужно тренироваться. Вот я и ... тренировалась.

– Значит, ты научилась во сне убивать?

Дина сделала два шага к Олегу, сидящему на своей стороне купе, наклонилась над ним и, глядя в глаза, медленно произнесла:

– Я научилась делать так во сне, чтобы меня не убили в реальности. И да, я ни о чем не жалею.

Оставшуюся дорогу до Москвы они провели, как незнакомые друг с другом попутчики. Олег молчал и о чем-то напряженно размышлял, а Дина спала. Правда, в первый час после того, как они продолжили путь, она еще успела побывать во сне у подружки, поболтать с ней «за жизнь», пошептаться, смущаясь, об Олеге и первом поцелуе. И быстренько, на десять минут слетала к деду, тоже во сне, рассказала, как она выпуталась из истории с Бахметом, о полицейском майоре из Прохоровки, который, видимо, прислушался к ее словам про Карго, кражи и кладбище «шалав». И уже потом, совсем поздним утром, наконец, крепко и спокойно заснула без всяких сновидений. И так проспала до самой Москвы.

На Казанском вокзале Олег, сдав Дину с рук на руки Алисе и Раде, сухо попрощался, сказав, что торопится, и быстро затерялся в толпе.

Дина, не ожидавшая такого поворота событий, в растерянности уставилась на встречающих ее женщин. Рада, получив утверждающий кивок Алисы, с облегчением улыбнулась и протянула руки к Дине:

– Мы жждали тебя, милая.

Медленно, преодолевая сопротивление воды, она опускалась вниз, куда-то в темноту. Туда, где на каменистом дне, покрытом скользкими водорослями, лежал мальчик с открытыми глазами и смотрел вверх, сквозь толщу мутной, уже почти черной воды на бледный, еле видимый, диск солнца. Она нащупала его холодную руку и потянула мальчика за собой вверх. Рука, выскользнув, безжизненно опустилась снова на дно. Дина в отчаянии смотрела на красивое лицо, зависнув в этом колыхающемся студне из темной воды и водорослей.

Она сделала уже несколько попыток. Почему не получается? Неужели она не успела, и время вышло? А если так?

...Последнее воспоминание угасало в его памяти. Он прыгает с каменистого берега в воду, поверхность которой, мгновение назад игравшая солнечными бликами, разбивается от его рук, превращаясь в бриллиантовые осколки. Удар! Почти невыносимая головная боль, и вот теперь он смотрит вверх, а сверху к нему приближается родное лицо. Мама! Она тянет к мальчику руки, зовет за собой, вверх, мальчик радостно улыбается и тянется в ответ. Вокруг полыхнули яркие краски. Золотой шар солнца ослепительно засиял в толще изумрудно-зеленой воды. Красиво... Желтое на зеленом.

Зазвенела сигнализация, оповещающая о том, что пациент очнулся, в палату забежали вызванные по срочной связи доктора и родители мальчика. А из палаты, вышла Дина и, никем не замеченная, побрела к выходу, украдкой вытирая гла-

за. Здорово, когда у ребенка есть такая мама. И вообще, здорово, когда мама просто есть.

Она вышла из здания клиники и прищурилась от слишком яркого для московского августа солнца. Мимо неслись машины, шли нескончаемой вереницей люди. Куда ей теперь? Она услышала призывный свист и повернулась. Через дорогу, игнорируя пешеходный переход и сигналы недобровольных водителей, к ней зигзагами двигался Олег с огромным букетом роз в руках. Благополучно добравшись до тротуара, он шагнул к Дине и крепко прижал ее к себе вместе с охапкой цветов.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора